

ПАТРИК НЕСС

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЭТО

Патрик Несс

Больше, чем это

«РИПОЛ Классик»

2013

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6

Несс П.

Больше, чем это / П. Несс — «РИПОЛ Классик», 2013

ISBN 978-5-386-12341-3

Шестнадцатилетнему Сету Уэрингу остается жить считанные минуты— ледяные волны безжалостно бросают его о скалы. Он умирает, но все же просыпается в какой-то другой реальности, с невероятной жаждой жизни, любви и дружбы. Все это сложно уловить за привычной чередой событий в мире, который живет в зависимости от точки зрения. Этим точек зрения бесчисленное множество. И в этом заключается вся суть и красота.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6

ISBN 978-5-386-12341-3

© Несс П., 2013
© РИПОЛ Классик, 2013

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
1	7
2	9
3	12
4	14
5	16
6	18
7	20
8	22
9	24
10	27
11	29
12	32
13	34
14	37
15	40
16	43
17	45
18	47
19	50
20	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Патрик Несс

Больше, чем это

© 2013 Patrick Ness

© Десятова М. Н., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

* * *

Филу Родаку

Вот парень, который тонет.

В эти последние секунды его убивает не столько вода, сколько холод. Холод вытянул все силы, и сведенные судорогой мышцы не подчиняются, как ни барахтайся. Парень молод и крепок, ему почти семнадцать, но ледяные волны накатывают одна за другой, одна другой выше. Они вертят его, кувыркают, тянут глубже и глубже. Даже когда удается на несколько жутких секунд высунуть голову над водой, ее тут же захлестывает снова, не дав сделать и полвздоха. Воздуха не хватает, с каждым разом его все меньше, в груди печет, и мучительно хочется вдохнуть еще.

Парень в панике. Понимает, что его отнесло слишком далеко от берега и назад не доплыть, а ледяные волны тащат все дальше и дальше, на скалы, делающие побережье неприступным. А еще он понимает, что никто его не хватится, никто не успеет поднять тревогу и отвоевать его у холодных волн. Чуда не случится. В это время года, в такую холодину, здесь нет ни туристов, ни бродяг, которые могли бы кинуться с берега и спасти его.

Слишком поздно.

Он умрет.

Умрет одиноким.

От внезапной мысли перехватывает дыхание, и паника усиливается. Парень снова рвется на поверхность, стараясь не думать, что этот рывок может стать последним, вообще стараясь не думать. Только действовать – толкаться ногами, выгребать руками, корпусом хотя бы развернуться в нужном направлении, чтобы глотнуть еще чуточку воздуха, который совсем близко, совсем...

Но течение слишком сильное. Оно дразнит, подталкивая к поверхности, и тут же утягивает вглубь, не давая высунуть голову, волоча все ближе к скалам.

Волны швыряют его, как игрушку. Он делает еще попытку.

Не получается.

А потом, ни с того ни с сего, морю надоедает жестокая игра в кошки-мышки. Подхватив свою жертву, прибой обрушивает ее на убийственно острые скалы. Правая лопатка раскалывается пополам с громким треском – этот «крак!» слышно даже под водой, даже сквозь рев течения. Обезумев от боли, парень кричит, захлебывается, заходится кашлем, но только закачивает в легкие еще больше соленой ледяной жидкости. Раздирающая плечо боль ослепляет, парализует. Он уже не пытается барахтаться – сил нет, и волны снова начинают его вертеть.

«Пожалуйста...» – вот все, что он думает. Одно-единственное слово, гулким эхом отдающееся в голове.

«Пожалуйста...»

Прибой подхватывает его в последний раз. Откатывается, словно замахиваясь, и кидает головой прямо на скалы. Океан швыряет его всей своей разъяренной массой. Нет сил даже выставить руки, чтобы спружинить.

Удар приходится позади левого уха. Череп раскалывается, и острые осколки впиваются в серое вещество, третий и четвертый позвонки слетают, рассекая мозговую артерию и спинной мозг – с такими увечьями не живут. Ни малейшего шанса.

Парень умирает.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Первые посмертные секунды вязнут в зыбком тумане. Смутное ощущение боли, но в основном огромная тяжесть, будто его накрыли горой невозможно толстых одеял. Он пытается выкарабкаться, вслепую, разрывая в панике (опять она!) невидимые захлестывающие путы.

В голове каша. Сумятица и мельтешение, словно в лихорадке, ни одной связной мысли. Его толкает вперед какой-то дикий инстинкт, ужас перед предстоящим и перед случившимся.

Ужас смерти.

Как будто с ней еще можно бороться, еще можно от нее сбежать.

Ему даже мерещится движение, тело продолжает бороться с волнами, хотя борьба давно проиграна. А потом внезапный порыв – нахлынувший ужас влечет его вперед, вперед, вперед, но, видимо, с телом они где-то расстались, потому что плечо больше не болит, и он пробирается вслепую в потемках, ничего не ощущая, кроме жути, толкающей...

И тут в лицо веет прохладой. Почти как летний ветерок, только это ведь невозможно – по многим причинам. От этой прохлады мысли – душа? дух? кто знает! – замедляют лихорадочную свистопляску.

На миг он замирает.

Потемки чуть бледнеют. Свет. Свет, в который почему-то можно проникнуть, и он чувствует, как его туда влечет, как тело – такое слабое, такое безвольное – тянется к этому сияющему свету.

Он падает. Падает на твердое. Это отсюда идет прохлада, и он позволяет себе в нее погрузиться, дает ей себя окутать.

Он не шевелится. Хватит трепыхаться. Покорно проваливается в забытие.

Забытие серое и очистительное. Он более или менее в сознании, не спит, но и не сказать чтобы проснулся, словно в отрыве от всего, не в силах двинуться, не в силах думать, не в силах воспринимать. Только существовать.

Проходит невозможная прорва времени – день, год, может, даже вечность, как тут поймешь? Наконец где-то вдалеке свет потихоньку, едва заметно меняется. Мгла сереет, потом бледнеет, и он начинает приходить в себя.

Первая мысль – скорее, ощущение, – что его прижимает к бетонной плите. Она прохладная, она твердая, и к ней нужно прильнуть, иначе унесет в пространство. Он удерживает это ощущение до поры до времени, давая ему оформиться, установить связь с телом, с другими мыслями...

Вдруг где-то глубоко внутри вспыхивает слово «морг». Потому что где еще тебя положат на прохладную твердую плиту? С растущим ужасом он распахивает глаза – оказывается, все это время они были закрыты. Он просит не закапывать его в землю, не вскрывать, это все ошибка, кошмарная ошибка. Но горло отказывается издавать звуки, будто отвыкло за долгие годы, и он, закашлявшись, рывком садится в страхе. Перед глазами пелена, словно толстая стопка мутных стекол.

Он отчаянно моргает, глядяваясь. Расплывчатые силуэты вокруг постепенно фокусируются. Нет, это не холодная плита в море...

Это...

Это...

Что это?

В замешательстве он щурится сквозь резь в глазах на встающее солнце. Оглядывается, пытаюсь осмыслить, разобраться, распознать.

Судя по всему, под ним бетонная дорожка, ведущая от проулка через двор к входной двери дома позади него.

Дом чужой.

И не только дом.

Он вздыхает, тяжело, почти с одышкой, в голове каша, но в глазах постепенно проясняется. Осознав, что дрожит от холода, он обхватывает себя руками. Насквозь промокшая одежда...

Не его, чужая.

Он смотрит на себя, но органы чувств еще не успевают за приказами сознания. Он снова щурится, вглядываясь. Это, кажется, вообще не одежда, просто полоски белой ткани, не достигающие до звания штанов или футболки. Они обматывают тело, как бинты, а не как одежда. И сверху по всей длине они пропитаны...

Стоп.

Они мокрые не от морской воды, не от захлестывающих, соленых, холодных океанских волн, в которых он только что...

(Тонул?)

То есть он промок только сверху. Спина, прижатая к земле, сухая, хоть и продрогшая.

Он оглядывается, совсем уже ничего не понимая. Выходит, его промочила роса? Другого объяснения нет. Солнце висит над самым горизонтом, похоже, еще только утро. А на дорожке виднеется отпечаток его собственного тела – сухое, не пропитанное росой пятно.

Как будто он пролежал здесь всю ночь.

Но этого не может быть. Он помнит свирепый лютый холод волн, свинцовое леденеющее небо, под которым он ни за что не протянул бы целую...

Нет, это другое небо. Он запрокидывает голову. Оно даже не зимнее. Здесь веет не холодом, а просто прохладой, предвещающей теплый день, возможно, даже летний. Совсем не похоже на пронизывающий береговой ветер. Совсем не похоже на то, где...

Где он умер.

Он делает еще один вдох – просто пробует, получится ли. Вокруг сплошная тишина, ни пороха, ни звука, за исключением тех, что издает он сам.

Он медленно оборачивается к дому. Тот проступает все четче и четче, по мере того, как глаза привыкают к свету, заново – такое ощущение – учатся видеть.

А сквозь туман и замешательство пробивается робкая мысль.

Намек, дуновение, проблеск...

Чего-то...

Знакомого?

2

Он пытается подняться, и ощущение пропадает. Подняться почему-то очень трудно, он валится обратно. Тело обмякает, мышцы отказываются повиноваться даже простому приказу. Сесть прямо и то непосильная задача, приходится на секунду замереть, чтобы отдышаться.

Ухватившись за крепкий на вид стебель у дорожки, он делает вторую попытку...

И тут же отдергивает руку – жжется!

Это не садовое растение, это вымахавший до неприличных размеров сорняк. Клумбы, обрамляющие дорожку к дому, заросли так, что даже декоративных каменных бордюров почти не видно. Кусты похожи на живых существ, которые тянутся к тебе и вот-вот укусят или оцарапают, если зазеваешься. Повсюду – в каждой проплешине, в каждой трещине – сплошные сорняки, огромные, по метру-полутора-двум высотой. Даже на том пяточке, где он лежал, остался расплюснутый сорняк.

Он снова пытается встать – на этот раз получается, хоть и шатает поначалу. Голова свинцовая, тело все еще колотит дрожь. Белые обмотки совсем не греют и – замечает он с тревогой – почти ничего не прикрывают. Ноги и торс замотаны в несколько слоев, руки тоже, но почему-то от пупа до середины бедер все оставлено открытым, самые интимные части, что спереди, что сзади, выставлены напоказ и греются в лучах утреннего солнца. Он лихорадочно пытается прикрыться, оттягивая вниз невесомую ткань, но бинты намотаны слишком туго.

Тогда он прикрывается рукой и стыдливо озирается.

Но вокруг никого нет. Совсем никого.

«Что это? Сон? – Мысли ворочаются медленно, туго, словно пробиваясь издалека. – Последний сон перед смертью?»

Все дворы такие же заросшие, как и этот. На бывших газонах трава по пояс. Асфальт на дороге потрескавшийся, прямо посередине из щелей торчат сорняки – некоторые в пору называть деревьями.

По обочинам припаркованы машины, но все они покрыты толстым слоем грязи, стекла слепые от пыли. И почти каждая стоит на ободах, потому что шины давно спустили.

Кругом все мертво. По дороге ничего не едет и, судя по сорнякам, не ездило уже очень и очень давно. Левая дорога тянется к более широкой улице, которая по всем признакам должна быть главной, оживленной и бурлящей. Там тоже ни одной едущей машины, а посреди зияет огромный провал метров в десять – пятнадцать шириной. Над провалом топорщится густая сорняковая поросль.

Он прислушивается. Нет, автомобилей нигде не слышно. Ни на этой улице, ни на следующей. Он ждет, наострив слух. Еще ждет. Смотрит в другую сторону, направо. Заметив между двумя домами железнодорожную насыпь, он невольно прислушивается снова, не загрохочет ли поезд.

Но поездов нет.

И людей нет.

Если сейчас действительно утро, то люди должны выходить из дома, садиться в машины, ехать на работу. Или, например, гулять с собаками, разносить почту, спешить в школу.

Жизнь должна кипеть, входные двери хлопать то и дело.

Но вокруг никого. Ни машин, ни поездов, ни людей.

А эта улица – теперь, когда в глазах и в голове потихоньку прояснилось, он присматривается получше – даже устроена как-то странно. Дома лепятся друг к другу, стоят шеренгой, пле-

чом к плечу, никаких гаражей и больших дворов, только узкие проулки через каждые четыре-пять зданий. Совсем не похоже на то, где он жил. Как-то вообще не по-американски. Скорее... Скорее по-английски.

Англия. Название гудит в голове набатом. Оно отчаянно сигнализирует чем-то важным, но в голове такая кутерьма и неразбериха, что оно лишь усиливает тревогу.

Неправильное слово. Откуда оно выскочило?

Покачнувшись на ватных ногах, он хватается за ближайший куст из тех, что покрепче. Ужасно тянет уйти с открытого пространства, закутаться во что-нибудь, но этот дом, этот дом...

Парень морщит лоб.

Что такое с этим домом?

Неожиданно для самого себя, даже не осознавая принятого решения, он делает неуверенный шаг вперед – и чуть не падает. Мысли по-прежнему путаются. Он не знает, почему идет туда, есть ли в этой тяге что-то, помимо инстинктивного желания укрыться, спрятаться от непонятного заброшенного мира, но все это слишком похоже на сон, поэтому вряд ли здесь действует нормальная логика.

Непонятно почему, но дом его манит.

И он идет туда.

На крыльце он перешагивает через трещину, расколовшую надвое первую ступень, и замирает. Колеблется, не зная, как быть дальше – откроется ли дверь, и что делать, если она заперта, – но все-таки протягивает руку и...

Дверь распахивается от легкого прикосновения.

За ней тянется длинный коридор. Солнце уже разгорелось, заливая светом безоблачное голубое небо (наверное, здесь все-таки лето), и бледную, незагорелую кожу нещадно печет, но коридор все равно наполовину тонет в темноте, недостижимый для слепящих лучей. Глаза различают лишь ведущую вверх лестницу в глубине. Слева от нее дверь в комнаты.

Свет в доме не горит, везде тишина.

Парень снова оглядывается. По-прежнему ни гула машин, ни грохота поездов, но только теперь он замечает, что не слышно ни жужжания насекомых, ни птичьего щебета, ни шелеста листьев на ветру.

Мертвая тишина, которую нарушает только его собственное дыхание.

Он стоит не шелохнувшись. Ему ужасно плохо, он такой слабый, такой обессиленный – лечь бы сейчас на этом вот пороге и заснуть навсегда, совсем навсегда, никогда больше не просыпаться...

Вместо этого он шагает внутрь, держась руками за стены, чтобы не упасть, и осторожно движется вперед, каждую секунду ожидая, что кто-то окликнет его, остановит, потребует ответа, зачем он забрался в чужой дом. Но он бредет в полумраке, и хотя глаза привыкают к перемене освещения медленнее, чем должны бы, он чувствует под ногами толстенный слой пыли – здесь явно давным-давно уже никто не ходил.

Чем дальше, тем плотнее полумрак, и это странно. Бьющий через открытую дверь солнечный свет не разгоняет стусившихся перед воспаленными глазами жутковатых теней. Он бредет вперед, уже почти ничего не различая, доходит до лестницы, но не поднимается. Вокруг все так же глухо, никаких признаков жизни, никаких звуков, кроме его собственных.

Он один.

Перед дверью в комнату снова накатывает страх: мало ли что притаилось там, в темноте... Однако он все же заставляет себя заглянуть, дав глазам чуть-чуть привыкнуть.

Перечеркнутая солнечными лучами, проникшими сквозь щели в опущенных жалюзи, перед ним открывается незатейливая жилая комната, объединенная со столовой, из которой дверь ведет в кухню.

Мебель самая обычная, только вся покрыта толстым слоем пыли, будто одета в плюшевые чехлы. Едва держась на ногах от усталости, он пытается увязать всплывающие в голове слова с очертаниями предметов.

Зрение постепенно возвращается, комната рисуется отчетливее, в подробностях, и из полумрака проступает...

Истошно ржущая лошадь над каминной полкой.

Запертая в картинной раме, она косит на него безумным глазом из огненной ловушки, высунув язык, словно пику.

Смотрит прямо на него.

Он вскрикивает, внезапно догадавшись (без тени сомнения, узнавание накрывает, словно океанская волна)...

Он знает, куда попал.

3

Со всех своих измученных ног он бежит по коридору, взметая клубы пыли, он рвется к свету, как...

Как утопающий рвется к воздуху.

До него чуть слышно доносится собственный крик – по-прежнему бессловесный, по-прежнему невнятный.

Но он догадался.

Он догадался, догадался, догадался.

Добравшись до порога, он скатывается с крыльца кубарем, потому что ноги почти не держат, а потом и вовсе подкашиваются. Он валится на колени и не может подняться, словно придавленный к земле своей внезапной догадкой.

Он в панике оглядывается на дом – сейчас оттуда что-нибудь (кто-нибудь!) выскочит, сейчас его догонят...

Нет, никого и ничего.

Все тихо. Ни звука – ни машин, ни людей, ни зверей, ни насекомых – ни-че-го. Только тишина, но такая гулкая, что слышно, как стучит в груди сердце.

«Мое сердце». Слова наконец отчетливо проступают через плотный туман в голове.

Сердце.

Мертвое сердце. Утонувшее сердце.

Его начинает трясти от накотившего осознания, что же такое он увидел в доме и что это значит.

В этом доме он когда-то жил.

Дом из далекого прошлого. Дом в Англии. Дом, в который, мама клялась, она больше ни ногой. Дом, из которого они сбежали на другую сторону земного шара.

Но этого не может быть. Он не видел этот дом – эту страну – уже целую вечность. С младших классов.

С тех пор...

С тех пор, как брата выписали из больницы.

С тех пор, как случилось страшное.

«Не надо!»

Пожалуйста, не надо!

Теперь понятно, куда он попал. Понятно, почему именно сюда, почему именно тут ему положено очнуться после...

После смерти.

Это ад.

Ад, устроенный специально для него.

Ад, где он будет один.

Навсегда.

Он умер и очнулся в собственном, персональном аду.

Его рвет.

Он плюхается на руки, выворачивая содержимое желудка в придорожные кусты. От натуги на глазах выступают слезы, но все равно видно, что рвет его какой-то непонятной про-

зрачной слизию с легким сахарным привкусом. Все, больше рвать нечем. Поскольку глаза и так мокрые, нетрудно и разреветься. Он рыдает, уткнувшись лбом в бетонную дорожку.

По ощущениям похоже, будто снова тонешь: так же печет в груди, так же борешься с какой-то неодолимой силой, которая тянет тебя в пучину, и бороться с ней бесполезно, ее ничем не остановить, она поглощает тебя, и ты исчезаешь. Лежа мешком на бетоне, он покоряется ее воле, как прежде покорился волнам, накрывающим с головой.

(Хотя с волнами он все-таки боролся, до самого конца, вот.)

А потом изнеможение, пугавшее его с того момента, как открылись глаза, наконец берет верх, и он проваливается в беспамятство.

Глубже, глубже и глубже...

4

– Долго нам еще здесь тухнуть? – заканючила Моника на заднем сиденье. – Я совсем задубела.

– Твоя девушка когда-нибудь затыкается, Гарольд? – поддел Гудмунд, оглядываясь в зеркало.

– Не называй меня Гарольд! – огрызнулся Эйч вполголоса.

– Большие, значит, тебя ничего не возмутило? – Моника обиженно ткнула его в плечо.

– Ты же сама хотела с нами, развлечься, – напомнил Эйч.

– Ага, весело, прям обхохочешься. Битый час торчим у флетчеровского дома в ожидании, пока родичи Каллена улягутся и мы наконец умыкнем Младенца Христа. Ты, Гарольд, спец по развлекухе!

На заднем сиденье вспыхнул квадратик света, и Моника принялась демонстративно копать в телефоне.

– Выключи! – велел Гудмунд, оборачиваясь с водительского сиденья и прикрывая экран рукой. – Заметят свет.

Моника выхватила у него телефон:

– Да ладно, тут никого кругом.

Она снова заскользила пальцем по экрану.

Гудмунд покачал головой и метнул сердитый взгляд на Эйча в зеркало. Странно. Все любят Эйча. Все любят Моника. Но почему-то лишь поодиночке, а вместе Эйч и Моника всех только бесят. Даже, такое ощущение, самих Эйча и Моника.

– Зачем он нам вообще сдался? – спросила Моника, не отрываясь от телефона. – Младенец Христос, в смысле. Серьезно. Это же, типа, богохульство, нет?

Гудмунд кивнул подбородком на лобовое стекло:

– А это, по-твоему, не богохульство?

Все уставились на масштабную рождественскую сцену, перекрывающую двор Флетчеров, словно группа захвата. Поговаривали, что миссис Флетчер метит не только в местную халфмаркетскую газету, но и гораздо выше – в теленовости Портленда, а может, даже Сиэтла.

Экспозиция начиналась с подсвеченной изнутри оленьей упряжки Санты из яркого оргстекла: тяжело груженые сани, висающие на тросах между домом и соседним высоким деревом, будто бы плавно приземлялись на крышу. Дальше – хлеще. Паутинные нити электрических гирлянд тянулись с каждого выступа, угла и карниза ко всем ближайшим веткам, ножкам и подпоркам. Трехметровые леденцовые трости стояли частоколом, из-за которого вальяжно помахивали прохожим механические эльфы. Сбоку возвышалась живая шестиметровая ель, вся в огнях, словно собор, а на газоне перед ней прыгал целый рождественский зоопарк (куда каким-то ветром занесло и носорога в красном колпаке).

На самом почетном месте красовался вертеп – из какой-то альтернативной истории, где Иисус родился в Лас-Вегасе. Мария, Иосиф, ясли, сено, мычающая скотина, кланяющиеся пастухи и ликующие ангелы словно застыли в танцевальной сцене из мюзикла.

Посреди этого скопища, прямо в луче света по центру, воздевал ручки Младенец с золотым нимбом, неся человекам благоволение. Ходили слухи, что он вырезан из привозного венецианского мрамора. Чушь собачья, как потом выяснилось.

– Он из них самый подъемный, этот Младенец, – объяснил Эйч Монике, которая уже не слушала.

– Хватаем – и деру, – добавил Гудмунд. – Не носорога же кантовать. Хотя он-то здесь явный неформат.

– А потом зароем по пояс у кого-нибудь на газоне. – Эйч задрал руки, изображая, как благословляет человека торчащий из земли Младенец.

– И вуаля! – ухмыльнулся Гудмунд. – Рождественское чудо.

Моника закатила глаза:

– А нельзя просто амфа нюхнуть, как нормальные люди?

Машина затряслась от хохота. Да, жизнь сильно наладится, когда Моника с Эйчем наконец разбегутся.

– Уже одиннадцать почти, – глянув в телефон, сообщила Моника. – Ты же вроде говорил...

И тут наступила темнота – вся флетчеровская экспозиция разом погасла в соответствии с окружным распоряжением о комендантском часе, которое соседи выбивали через суд. Даже сюда, на удаленную гравийную дорожку, донеслось огорченное «у-у-у» из припозднившихся машин, которые весь вечер тянулись мимо неторопливым потоком.

(Каллен Флетчер, долговязый и нескладный, с самого Дня благодарения до Нового года старался слиться в школе со стенами. Обычно получалось плохо.)

– Ну вот. – Гудмунд потер руки. – Теперь пусть машины рассосутся, и за дело.

– Это кража, если что, – напомнила Моника. – Они с этой экспозицией носят, как курица с яйцом, а тут вдруг раз – и Иисус пропал...

– Вот вони-то будет, – расхохотался Эйч.

– Ага, жди! Молча в суд подадут, – возразила Моника.

– Да мы же недалеко его утащим, – успокоил Гудмунд и хитро прищурился. – К Саммер Блейдон, например, будет у них в доме хоть кто-то невинный.

Моника округлила глаза в ужасе, но потом не удержалась и хихикнула.

– Тогда нужно поаккуратнее, чего доброго, нарвемся на какую-нибудь ночную чирлидерскую тренировку.

– А кто секунду назад нас стращал судом? – поинтересовался Гудмунд.

– Я, – беспечно пожала плечами Моника. – И что? Я же не говорила, что не участвую.

– Эй! – одернул ее Эйч. – Ты к нему до утра будешь клеиться?

– Так, заткнулись все! – велел Гудмунд. – Почти пора.

Воцарилась тишина, которую нарушал только скрип ткани по стеклу: Эйч протирает рукавом запотевшее окно. Гудмунд от нетерпения дергал коленом. Машины постепенно редели, но в салоне по-прежнему стояла тишина, потому что все, сами того не замечая, затаили дыхание.

Наконец улица опустела. На крыльце Флетчеров погас свет.

Гудмунд, протяжно выдохнув, с серьезным видом повернулся назад. Эйч кивнул в ответ:

– Погнали.

– Я с вами, – подала голос Моника, убирая телефон.

– Никто и не сомневался, – ухмыльнулся Гудмунд и посмотрел на сидящего рядом, в пассажирском кресле: – Готов, Сет?

5

Сет открывает глаза.

Под ним по-прежнему бетонная дорожка, на которой он свернулся клубком, и все тело ломит от лежания на твердом. Несколько секунд он не может стряхнуть оцепенение.

«Сет. Меня зовут Сет».

Так странно. Он будто не помнил собственного имени до этого сна – или воспоминания – или что вообще это было? Такое отчетливое, такое резкое, что даже больно. И захлестывающий поток информации тоже причиняет боль. Не только имя. Нет, не только.

Он был там на самом деле, так живо не может ощущаться ни воспоминание, ни сон. Он был там, с ними, по-настоящему. С Эйчем и Моникой. С Гудмундом, который всегда за рулем, потому что машина его. С друзьями. В тот вечер, когда они стащили Младенца Христа с газона Каллена Флетчера.

Меньше двух месяцев назад.

«Сет. – Имя ускользает, словно песок сквозь растопыренные пальцы. – Меня зовут Сет Уэринг».

Меня звали Сет Уэринг.

Он делает глубокий вдох, и в нос бьет из кустов тошнотворный запах его собственной рвоты. Он садится. Солнце поднялось еще выше. Сколько он здесь уже торчит, а еще, кажется, даже за полдень не перевалило.

Если здесь вообще бывает полдень. Если здесь существует время.

Голова трещит и раскалывается, но сквозь сумятицу ощущений, погребаящих его под собой, пробивается какое-то новое и мощное, которое, оказывается, все это время никуда не девалось, но только теперь для него нашлось определение, слово. Только теперь, когда в мыслях чуть прояснилось и он вспомнил свое имя.

Жажда. Ему хочется пить. Страшно хочется, как никогда в жизни не хотелось. Жажда подбрасывает его на ноги. Колени трясутся, но он удерживается и не падает. Вот, значит, какая неодолимая безымянная сила тянула его в дом.

Теперь, когда у нее есть название, с ней еще труднее бороться.

Сет снова окидывает взглядом безмолвный, пустой квартал, укрытый саваном грязи и пыли. Узнавание, прежде едва уловимое, становится ярче, увереннее.

Да, это его улица, здесь он жил в детстве, здесь был его дом. Налево она ведет к Хай-стрит со всякими-разными магазинами, а справа – теперь он точно помнит – ходят пригородные поезда. Он даже помнит, как считал их. Перед самым переездом из этого крошечного английского пригорода на другой край света, на холоднющее побережье тихоокеанского Северо-Запада, он часто, лежа без сна в предрассветной темноте, считал поезда, будто от этого могло стать легче.

Когда кровать младшего брата у противоположной стены стояла пустая.

Вздвогнув при воспоминании о том лете, Сет гонит его прочь.

Потому что сейчас ведь тоже лето...

Он снова оглядывается на дом.

Свой прежний дом.

Это его прежний дом, совершенно точно.

Выглядит обшарпанным и заброшенным, краска на оконных рамах облупилась, на стенах пятна от прохудившихся водосточных труб, как и у всех остальных домов по соседству. Дымовая труба просела и частично обвалилась, причем уже в отсутствие хозяев, судя по кучке обломков и кирпичной крошки на карнизе.

«Как? – Сет силится собраться с мыслями, которые глушит жажда. – Как такое вообще может быть?»

Жажда ворочается внутри, как живая. Он никогда ничего подобного не испытывал – распухший язык едва помещается во рту, сухие потрескавшиеся губы кровоточат, когда он их облизывает.

Дом словно поджидает. Возвращаться внутрь не хочется, вот ни на столечко, но делать нечего. Нужно добыть воды. Попить. Входная дверь так и стоит нараспашку, как он ее оставил, выскочив в панике. Он вспоминает потрясение от увиденного над каминной полкой – как удар под дых, от которого раскрываются глаза, и ты понимаешь, в каком аду очнулся...

Но кроме камина, там еще есть столовая, а за ней кухня.

Кухня.

С кранами.

Сет медленно бредет к двери и поднимается на крыльцо – теперь он узнает трещину на нижней ступеньке, ту самую, которую так и не заделали, потому что «пустяки, успеется».

Он заглядывает в дом, и воспоминания вновь оживают. Длинный, тонущий в полумраке коридор, оказывается, тот самый, по которому он бесчисленное число раз пробегал туда-сюда в детстве, скатываясь с лестницы, что едва различается в глубине. Лестница (теперь он знает) ведет к спальням на верхнем этаже, а оттуда еще выше, в мансарду.

В этой мансарде он когда-то жил. Вместе с Оуэном. Это была их с Оуэном комната до того, как...

Он снова обрывает мысль. От жажды его сгибает почти пополам.

Нужно попить.

Сет хочет пить.

Он повторяет свое имя про себя: «Сет. Меня зовут Сет».

«И сейчас я заговорю».

– Эй? – пробует он. Горло дерет от жажды, там настоящая пустыня. – Эй? – повторяет он, на этот раз громче. – Есть кто-нибудь?»

Молчание. Ни звука вокруг, только по собственному дыханию и догадываешься, что не оглох.

Он стоит в дверях, не решаясь двинуться дальше. Во второй раз войти труднее, гораздо труднее: страх такой плотный, что его, кажется, можно пощупать, – страх перед тем, что еще может ждать внутри, перед тем, почему он здесь и что это означает.

Или что будет означать. Отныне и вовеки.

Однако жажда тоже почти осязаема, и Сет заставляет себя переступить порог, снова взметая облачка пыли. Бинты-обмотки на нем уже давно не белые, на руках и ногах грязные отметины. Прошаркав по коридору, он останавливается у подножия лестницы. Щелкает выключателем – результата ноль, кнопка без толку ходит вверх-вниз. Не решаясь подниматься в темноте, не решаясь даже смотреть на эту лестницу, Сет поворачивается в другую сторону, набираясь храбрости перед тем, как войти в гостиную.

Он делает глубокий вдох – и тут же закашливается от пыли.

Но в комнату шагает.

6

Все по-прежнему, ничего не изменилось. Единственный источник света – разбежавшиеся по комнате солнечные лучи, выключатель здесь тоже не работает. Но теперь Сет отчетливо видит, что комната обставлена мебелью из его детства.

Заляпанные красные кушетки, одна побольше, другая поменьше, которые отец не хотел обновлять, пока мальчишки не подрастут и не перестанут проливать на них все подряд.

Кушетки с собой в Америку не взяли, оставили тут. В этом доме.

Но что тогда здесь делает журнальный столик, который переехал вместе с ними и должен быть за много тысяч миль отсюда?

«Не понимаю. Ничего не понимаю».

Вот мамина ваза, которая пережила переезд. А вот уродливая тумбочка, которую бросили здесь. А там, над камином...

Его опять будто бьют под дых.

Эту картину нарисовал дядя, и ее увезли в Америку вместе с частью мебели. На ней изображена истощенно ржущая перекошенная лошадь с ужасом в глазах и жуткой пикой вместо языка. Дядя рисовал ее в подражание «Гернике» Пикассо, поместив лошадь на фоне разодранного в клочья неба и таких же разодранных тел.

Про настоящую «Гернику» Сету давным-давно рассказал отец, и он давным-давно все понял, но дядина бледная копия все равно оставалась самой первой картиной в Сетовой жизни – первым образцом живописи, который попытался осмыслить пятилетний разум. И поэтому она внушала куда больший ужас, чем оригинал Пикассо.

Что-то кошмарное, жуткое, истерическое, глухое к голосу разума и не имеющее представления о жалости.

И эту самую картину он видел только вчера, если «вчера» здесь еще что-то значит. Если в аду не выключается время. В общем, эту картину он видел на выходе из собственного дома на другом краю света – в последнюю секунду перед тем, как закрыть за собой дверь.

Свою дверь. Не эту. Не из кошмарного прошлого, о котором он старался не вспоминать.

Он смотрит на картину сколько хватает сил, сколько удастся выдержать, чтобы превратить ее в обычный рисунок, но стоит отвернуться – и сердце часто колотится в груди, глаза отказываются смотреть на обеденный стол, который он тоже узнал, и на стеллажи, заполненные книгами, часть которых он читал в другой стране. Со всей скоростью, на которую способны ослабевшие ноги, он спешит на кухню, стараясь думать только о жажде. Прямо к мойке, без оглядки, чуть не плача от предвкушаемого облегчения.

Сет вертит краны, но оттуда ничего не течет, и он невольно стонет от досады. Еще попытка. Один вентиль не поддается совсем, другой, наоборот, прокручивается вхолостую, снова и снова, и ничего не льется.

В глазах опять закипают слезы, жгучие и едкие, слишком соленые от обезвоживания. Он так ослаб, его так шатает, что приходится наклониться, упираясь лбом в столешницу, чувствуя ее пыльную прохладу и надеясь не потерять сознание.

«Конечно, таким и должен быть ад. Само собой. Чтобы тебя мучила жажда, а воды не было. Ясное дело».

Наверное, это наказание за Младенца Иисуса. Моника так и сказала. Под ложечкой сосет при воспоминании о том вечере, о друзьях, о том, как легко и без напряжения ему с ними жилось – им нравилась его молчаливость, и ничего, что из-за разницы в английской и американской школьных системах он оказался почти на год младше одноклассников, все они – но Гудмунд особенно, – как и положено друзьям, охотно брали его с собой. Даже на «богохульство».

Они украли Младенца, все прошло до отвращения гладко, выдать их мог только собственный смех, который они с трудом сдерживали. Вытащили фигурку из яслей, поражаясь ее легкости, и поволокли, едва не лопааясь от истерического хохота, к машине Гудмунда. Их так колбасило, что в доме Флетчера даже свет зажегся, когда они неслись прочь по дороге.

Но у них получилось! А потом, как и планировалось, они подъехали к дому капитанши чирлидеров и, шикая друг на друга, вытянули Младенца Иисуса с заднего сиденья.

И Эйч его уронил.

Как оказалось, Младенец все-таки был сделан не из венецианского мрамора, а из какой-то дешевой глины, разлетевшейся вдребезги от падения на тротуар. Оцепенев от ужаса, они застыли над черепками.

«Ну, все, гореть вам теперь в аду!» – заявила тогда Моника, и непохоже было, что она шутит.

В груди Сета зреет какой-то звук – он понимает с удивлением, что это смех. Он открывает рот, и смех вырывается наружу саднящим жутким хрипом, но остановить его Сет не в силах. Он сотрясается от смеха – и ничего, что его сразу мутит, а голову по-прежнему невозможно оторвать от столешницы.

Ад. Точно. Похоже, это он и есть.

Но прежде чем расплакаться снова – в каждой секунде этого смеха таятся подступающие слезы, – он вдруг осознает, что все это время до него доносится еще какой-то звук. Стоны и рев, словно где-то в доме мычит заблудившаяся корова.

Он поднимает голову.

Рев идет из труб. Из крана начинает капать грязная, ржавая вода.

Сет отчаянным рывком кидается к мойке – пить, пить, пить!

7

Вода удивительно мерзкая, металлическая и глинистая на вкус, но Сет не может остановиться. Он жадно пьет все быстрее льющуюся из крана жидкость. После десятого – двенадцатого глотка в животе начинает бурлить, и Сет, отвернувшись, извергает все выпитое обратно в раковину шумным ржавым водопадом.

Потом стоит и тяжело дышит.

Вода уже слегка посветлела, но все равно выглядит малопригодной для питья. Он ждет, сколько удастся выдержать, пока стечет ржавчина, и пьет снова, уже медленнее, с паузами, чтобы отдышаться.

На этот раз вода не просится наружу. Сет чувствует прохладу, разливающуюся от живота. Это приятно, и он снова замечает, как тепло вокруг, особенно здесь, в доме. А еще душно и пахнет пылью, которой покрыто все, куда ни глянь. Руки грязные по локоть, хотя он всего лишь опирался на столешницу.

Однако ему уже чуть лучше, сил чуть прибавилось. Он пьет еще, потом еще, пока жажда не отступает. И когда он наконец распрямляется, головокружения больше нет.

Солнце ярко и горячо светит в дальнее окно. Сет окидывает взглядом кухню. Да, это она, та самая, которая вечно казалась маме слишком тесной, особенно после переезда в Америку, где на любой кухне можно стадо слонов усадить. С другой стороны, в маминых глазах все английское заведомо проигрывало американскому, и неудивительно.

Если учесть, как Англия с ними обошлась.

Он не думал об этом, уже много лет не думал. Незачем было. Кому охота беречь худшее свое воспоминание? Тем более что жизнь продолжается, ты в совершенно новом, неизведанном месте, где так много нужно освоить и столько знакомых завести...

Да, случилось ужасное, но ведь брат не погиб. Да, остались проблемы, да они своими глазами видели по мере его взросления, насколько серьезны могут быть неврологические последствия, но все же брат не умер, и сейчас он вполне стабильный, радостный, прикольный пацан, несмотря на все сложности.

Было, конечно, жуткое время, когда все опасались худшего и, оглядываясь на Сета, снова и снова повторяли, что он ни в чем не виноват, но сами-то думали...

Он выпихивает мысль прочь из головы, сглатывая комок в саднящем горле. А потом смотрит на полутемную гостиную, терзаясь догадками, зачем он все-таки здесь.

С какой-то целью? Чтобы что-то исправить?

Или просто чтобы торчать тут до скончания веков?

Потому что так устроен ад? Ты просто заперт навеки в самом страшном своем кошмаре?

Похоже на то.

Только непонятно, при чем тут эти бинты-обмотки, перепачканные в пыли, но плотно облегающие самые нелогичные части тела. Или вот вода, уже почти прозрачная, с ней тоже непонятки. Если жажда – часть наказания, почему ее можно утолить?

Вокруг по-прежнему ничего не слышно. Ни машин, ни голосов, ни шуршания, ни грохота, ни лязга – ничего. Только шум бегущей воды, который настолько успокаивает, что Сет не в силах заставить себя завернуть кран.

В желудке вдруг начинает урчать. Еще бы, его ведь уже два раза вывернули наизнанку, там совсем пусто. Не успев толком запаниковать – где, спрашивается, в аду найти пропитание? – Сет почти машинально распахивает ближайшую дверцу.

Полки заставлены тарелками и чашками, не такими пыльными, поскольку все же стояли закрытыми, но все равно чувствуется, что к ним давно не прикасались. В соседнем шкафчике бокалы и фарфор, который Сет узнает, – большая часть добралась до Америки в целости и сохранности. Он поспешно открывает следующий. Вот тут наконец-то продукты. Пакеты с крошащимися макаронами; заплесневелые коробки риса, рассыпающиеся под рукой; банка сахара, слипшегося в большой ком, который даже пальцем не ковырнешь. В ходе дальнейших поисков обнаруживаются консервы – одни проржавели, другие подозрительно вздулись, но все же есть несколько приличных на вид. Сет вытаскивает банку куриной лапши.

Знакомая марка. Эту лапшу они с Оуэном могли есть бесконечно, каждый раз в магазине прося маму купить побольше...

Нет, стоп. Опасное воспоминание. Сета снова шатает, под ногами словно разверзается пропасть смятения и отчаяния, грозя проглотить, если он посмотрит туда хотя бы краем глаза.

«Это на потом, – говорит он себе. – Ты голодный. Все остальное подождет».

Сам не веря собственным уговорам, Сет заставляет себя перечитать этикетку на банке.

– Суп, – произносит он вслух. Голос по-прежнему сиплый, но все же чуть смягчился после воды. – Суп, – уже тверже повторяет он.

Так, теперь ящики. В первом же он находит открывалку – ржавую и тугую, но рабочую – и не может удержаться от победного «Ха!».

Пробить крышку удастся только с семнадцатой попытки.

– Пошли вы все! – кричит он в сердцах и давится собственным криком, застрявшим в измученном горле.

Наконец крышка поддается. Руки болят даже от такой пустяковой работы, и в какой-то момент он пугается, что просто не хватит сил докрутить открывалку до конца. Но злость не позволяет сдаться, и в результате, ценой невероятных усилий, отверстие в крышке расширяется настолько, что уже можно пить.

Сет запрокидывает голову и подносит банку ко рту. Суп загустел и сильно отдает на вкус металлом, но куриная лапша в нем еще чувствуется. От радости Сет заходится смехом, прихлебывая вязкую жидкость.

Потом щеки становятся мокрыми, и к супу добавляется соленый привкус слез.

Допив суп, он бухает банку обратно на стол.

«Прекрати. Соберись. Что тебе нужно сделать? Что дальше? – Он слегка выпрямляется. – Как бы поступил Гудмунд?»

И тут, впервые за все время, на лице Сета мелькает улыбка – робкая, едва заметная, но улыбка.

– Гудмунд пошел бы отлить, – сипит он.

Потому что именно этого организм и требует.

8

Он снова оборачивается на темную, пыльную гостиную.

Нет. Не сейчас. Рано. У него пока не хватит духу карабкаться по темной лестнице в ванную на втором этаже.

Взгляд упирается в дверь, ведущую на задний двор (в памяти всплывает словечко из лексикона родителей – «черный ход», так это называется здесь, в Англии). Несколько мучительных минут Сет сражается с заклинившим замком, но вот наконец он снова на залитом солнцем дворе, на террасе, которую как-то летом сколотил отец.

Соседские заборы с обеих сторон будто давят – после американских-то просторов, уже ставших привычными. Лужайка заросла какими-то метелками и сорняками, достающими Сету почти до макушки, даже когда он стоит на террасе. У дальнего забора виднеется покатаая верхушка старого бетонного бункера времен Второй мировой. Мама сперва превратила его в гончарную мастерскую, но по назначению почти не использовала, поэтому вскоре там образовался склад старых велосипедов и поломанной мебели.

За дальним забором высится насыпь, ошетилившаяся поверху колючей проволокой. Дальше ничего не видно, потому что дальше склон.

Но какой же это ад, если из него убрали тюрьму?

Сет отводит глаза, подходит к краю террасы и, подавшись вперед, готовится отлить в высокую траву.

Ничего.

Ничего.

Он кряхтит от усердия.

Все равно ничего.

Пока наконец под возглас искреннего облегчения в заросли не ударяет жуткая на вид темно-желтая струя.

Сет тут же взвизгивает от боли. Словно кислотой мочишься. Он в растерянности опускает взгляд.

Присматривается.

По всем бедрам и лобку мелкие порезы, ссадины, синяки. В завитушках на лобке запутался какой-то белый пластырь, на голом бедре болтается еще один.

Морщась, он заканчивает мочиться и принимается внимательнее осматривать собственное тело при солнечном свете. На локтевых сгибах тоже сплошные порезы и царапины, такой же пунктир на каждой ягодице. Сет подцепляет пальцем бинты на торсе, пытаясь заглянуть под них. Липучка держит крепко, но в конце концов ее все же удается оторвать. С изнанки у бинтов какая-то непонятная фольга, которая отходит вязкой массой, прихватывая с собой волоски с груди – Сет ими, впрочем, все равно не особенно дорожил. На руках и ногах бинты сделаны так же. Он разматывает и разматывает, оставляя саднящие проплешины в растительности на теле и находя все новые царапины и порезы.

Наконец бинты размотаны и свалены кучей на террасе. Посеревшие от пыли, они бликуют металлической изнанкой, словно нарочно слепя глаза. Никаких надписей на них, судя по всему, нет, и такой странной фольги Сет не видел прежде ни в Америке, ни в Англии.

Он пятится от бинтов подальше. Что-то в них чудится инопланетное. Что-то чужое. Захватническое.

Обхватив себя руками покрепче, Сет содрогается в ознобе, хотя солнце припекает с прежней силой. Теперь он совсем голый, и это нужно срочно как-то исправлять, потому что иначе он чувствует себя до жути уязвимым – буквально весь как на ладони. Где-то рядом таится угроза, она вдруг ощущается совершенно отчетливо. Сет оглядывается на забор, за которым –

он помнит – притаилась невидимая отсюда тюрьма, но опасность не там, не в очевидном. Вся эта пыль и сорняки маскируют какую-то иллюзорность. Земля под ногами, якобы твердая, в любой момент может рассыпаться в прах.

Сет стоит, дрожа на солнцепеке, под ясным голубым небом без единого самолета. Потраченные на добывание еды и питья силы вдруг разом покидают его, и изнеможение накрывает с головой, словно одеялом. Он совсем выдохся, он выжат до капли.

Не разжимая объятий, он поворачивается к дому.

Дом ждет, никуда не делся, держа наготове припасенное воспоминание.

9

«Посмотрим, – набрал Сет на экране телефона. – Ты же знаешь мою маму».

«Что ей на этот раз не так?» – ответил Гудмунд.

«Четверка по истории».

«В Америке это называется “В”, дундук. Твою маму колышут ОТМЕТКИ?!?! Она в каком веке застряла?»

«Не в этом. Сам дундук, такие простыни катать».

Телефон почти сразу же откликнулся вибрацией входящего звонка, и Сет не удержался от улыбки.

– Я же сказал, посмотрим, – прошептал он в трубку.

– Что ее не устраивает? – возмутился Гудмунд. – Она мне не доверяет, что ли?

– Нет.

– Надо же, я и не думал, что она такая умная.

– Никто не думает. Поэтому она все время злится. Мы тут уже восемь лет, а с ней по-прежнему разговаривают, как с иностранкой, громко и раздельно.

– А она что, не иностранка?

– Ну, из Англии, но язык ведь тот же.

– Не совсем. Ты чего шепчешь?

– Они думают, я еще сплю.

Сет прислушался, не вставая с кровати. Мама топала туда-сюда, разыскивая оуэновский кларнет. Сам Оуэн в соседней комнате играл в компьютерную игру, полную драматичных гитарных соло. Все это перемежалось периодическим стуком молотка из кухни вниз, где отец уже почти год сколачивал какую-то рассчитанную на три месяца самоделку. Типичное субботнее утро, так что нет, спасибо, он лучше полежит тут, пока никто не дергает...

– СЕТ! – донеслось из коридора.

– Мне пора, – бросил он в трубку.

– Давай, Сетти, приходи, – уговаривал Гудмунд. – Сколько раз тебя звать? Предки свалили за город – это же просто открытым текстом сказано: «Гуляем!» Когда еще шанс выпадет? Один год остался, а дальше разъедемся кто куда.

– Я постараюсь, – скороговоркой заверил Сет, слыша приближающиеся тяжелые шаги мамы. – Перезвоню. – Дверь распахнулась, едва он нажал отбой. – Эй, а стучать кто будет?

– Тебе нечего от меня скрывать.

Мама кривовато усмехнулась – Сет знал, это она так извиняется.

– Еще как есть, ты даже не представляешь.

– Кто бы сомневался. Вставай. Нужно собираться.

– А мне зачем?

– Ты не видел кларнет Оуэна?

– Он вполне продержится час...

– Видел или нет?

– Ты меня совсем не слышишь?

– А ты меня слышишь? Где чертов кларнет?

– Откуда я знаю? Я ему в дворецкие не нанимался.

– Последи за языком! – рявкнула мама. – Ты же знаешь, он рассеянный. Не такой собранный, как ты. С тех самых пор, как...

Она не закончила. Не просто умолкла, а оборвала фразу на полуслове. Сету пояснений не требовалось.

– Не видел я кларнет. И все равно не понимаю, зачем мне там с ним сидеть.

– Потому. Что. Я. Хочу. Выйти. На. Пробежку, – сердито чеканя каждое слово, ответила мама и поболтала кроссовками в руке. – У меня и так мало времени на себя, а Оуэн, как тебе известно, не любит оставаться один смисс Бейкер...

– Да ладно, все с ним нормально, – не уступал Сет. – Просто выделяется, потому что хочет внимания.

Мама со свистом втянула воздух:

– Сет...

– Если я посижу, можно тогда сегодня переночевать у Гудмунда?

Мама помолчала. Гудмунда она недолюбливала, по каким-то необъяснимым даже для самой себя причинам. «Что за имя такое дурацкое? – услышал как-то Сет из родительской спальни. – Гудмунд... Он ведь не швед». – «По-моему, это норвежское», – ответил отец рассеянно. «Ну, так он и не норвежец. Хотя бывают, конечно, американцы, которые не абы кто, а ирландцы там или чероки. Покажи мне еще народ, который не перестанет выделяться, пока не припугнешь». – «Подозреваю, что при тебе в таком случае все послушно, без затей становятся американцами», – съязвил отец, и разговор заглох.

Сет решительно ничего не понимал. Гудмунд – мечта любого родителя. Пользуется популярностью, но не звездит; уверенный в себе, но не наглый; с родителями Сета общается вежливо, с Оуэном тоже, всегда привозит Сета домой вовремя, с тех пор как сел за руль. Ну, старшие чуток, как и остальные одноклассники, но ведь всего на десять месяцев, ему семнадцать, Сету шестнадцать, это же ерунда. Они вчетвером (с Эйчем и Моникой) состоят в легкоатлетической команде – здоровый образ жизни, что еще надо? Да, предположим, Гудмундовы родичи – те самые кошмарные американские пуритане, от которых у европейцев глаза на лоб лезут, но ведь папа с мамой и сами признают, что люди они неплохие.

Об их с Гудмундом делах они точно ничего не знают, одни смутные подозрения. Хотя там все равно ничего криминального. Никаких наркотиков, алкоголь – да, бывало такое, но за руль пьяными ни-ни. Гудмунд – человек интересный, общительный, большинство родителей о таком приятеле для сына только мечтают.

А вот мама, видимо, нет. Что-то ее якобы напрягает.

Может, и впрямь.

– У тебя же работа завтра, – напомнила мама, уже почти уступая.

– Только в шесть, – уточнил Сет, стараясь не упрашивать.

– Ладно, – сдалась мама после секундного раздумья. – А теперь все, вставай. Нужно собираться.

– Закрой дверь, – попросил он вдогонку, но мама уже скрылась.

Сет поднялся и натянул через голову футболку с длинным рукавом. Высидеть эту кларнетную тягомотину с Оуэном и пахнувшей луком мисс Бейкер, пока мама бежит своей бешеной кросс вдоль берега. А взамен – вечер свободы с участием забытой отцом Гудмунда записки пива (но только не за рулем, нет, они же просто паиньки, и от этого мамини подозрения еще оскорбительнее, и иногда хочется даже взять и назло ей что-нибудь натворить). Однако в этот раз уговор вполне справедливый.

Что угодно, лишь бы смыться. Что угодно, лишь бы вырваться из клетки. Пусть ненадолго.

Он согласен.

Через пять минут Сет спустился в кухню, одетый.

– Привет, пап! – поздоровался он, прихватывая с полки коробку хлопьев.

– Доброе утро, Сет, – вздохнул отец, сокрушенно разглядывая деревянную раму под новую столешницу, которая, как ее ни подпиливай, все время оказывается не того размера.

– Почему нельзя просто кого-нибудь нанять? – поинтересовался Сет, засовывая в рот горсть хлопьев со вкусом арахисового масла. – Неделя – и все готово.

– А смысл? – рассеянно отозвался отец. – Ручной труд дает душе покой.

Сет слышал это уже много-много раз. Отец преподавал английский в небольшом гуманитарном колледже, который обеспечивал работой около двух третей населения, и самодельные проекты (Сет уже со счета сбился, сколько их всего – терраса в прежнем доме, где он был еще совсем мелким, потом подсобка в гараже, здесь, в Америке, теперь пристройка к кухне, которую тоже непременно нужно делать своими силами) помогали ему не свихнуться после переезда из Лондона в этот крошечный американский городок. В конечном итоге все доделывалось и выглядело вполне добротно, однако покой в душе, похоже, приносил не столько ручной труд, сколько антидепрессанты, на которых отец сидел. Куда более сильные, чем прописанное некоторым одноклассникам успокоительное, – настолько сильные, что временами отец начинал напоминать призрака в собственном доме.

– Где же я теперь-то просчитался? – пробормотал отец, озадаченно покачивая головой над грудой деревянных обрезков.

Вошла мама и со стуком обрушила на стол кларнет Оуэна:

– Может, кто-нибудь объяснит мне, что инструмент делал в гостевой комнате?

– А Оуэна не пробовала спросить? – предложил Сет с полным ртом хлопьев.

– Что спросить? – любопытствовал входящий Оуэн.

Вот и он. Братик. Со взъерошенными после сна волосами он выглядит гораздо младше своих двенадцати, над губой красные «усы» от «Кул-Эйда», на подбородке крошки от завтрака, на ногах джинсы, а вместо футболки – верх от пижамы с Коржиком из «Улицы Сезам», из которой он уже пять лет как вырос во всех смыслах.

Оуэн. Вечный неряха и раздолбай.

Но мама при виде его сразу расцвела и почти повеселела:

– Ничего, солнышко. Иди умойся и надень чистую рубашку. Мы почти собрались.

– Я дошел до восьмидесяти второго уровня! – возвестил Оуэн, сияя.

– Замечательно, дорогой. А теперь поторопись. Иначе опоздаем.

– Хорошо!

Одарив ослепительной улыбкой Сета и отца, Оуэн вышел. Мама поела его глазами, словно шоколадное пирожное.

Когда она повернулась, лицо ее озарял такой теплый свет, что Сет с отцом невольно засмотрелись. Возникла неловкая пауза; наконец мама не выдержала и едва заметно смутилась:

– Давай быстрее, Сет. Иначе и в самом деле опоздаем.

Она ушла. Сет так и стоял с пригоршней хлопьев, пока отец не принялся молча пилить несчастную раму. Знакомое желание убраться куда подальше распирало изнутри, такое сильное и осязаемое, что, казалось, загляни – увидишь.

«Еще год, – подумал он. – Всего лишь год продержаться».

Впереди последний, выпускной, класс, а потом в университет – (возможно, если повезет) в один с Гудмундом и, наверное, Моникой. На самом деле неважно куда, лишь бы подальше от этого болота на юго-западе штата Вашингтон.

Подальше от этих чужаков, называющих себя родителями.

Но потом он вспомнил, что есть отдушины и поближе к дому.

«Час кларнета. И целые выходные свободы».

Мысль отозвалась неожиданной злостью.

И тут же почему-то расхотелось есть.

10

Сет просыпается на красной кушетке – той, которая побольше, – и снова не сразу стряхивает с себя...

Нет, это не может быть просто сон.

Да, на сей раз он спал, но все равно, слишком все было живо, слишком отчетливо. Никакой зыбкости, никаких внезапных перемещений, неспособности ворочать языком, никаких провалов во времени или логике.

Он был там. Прямо там. Снова. Проживал заново.

Он помнит то утро так ясно, словно только что посмотрел всю сцену по телевизору. Было лето, несколько месяцев до похищения Младенца Иисуса, Сет как раз тогда устроился на первую свою подработку – официантом в местном стейкхаусе. Родители Гудмунда улетели в Калифорнию по делам, оставив сына присматривать за домом, который выходил прямо на холодный, рокочущий вашингтонский океан. Эйч и Моника тоже заваливались в гости, и они тупо пинали балду вчетвером – хлебали забытое Гудмундовым отцом пиво, трепались о всяком-разном и закатывались хохотом на любой пустяк.

Суперское было время. Просто сказка, как и все то лето перед выпускным классом, когда невозможное казалось возможным, любая мечта – лишь руку протяни, и если только уцепиться, задержаться в ней, то все образуется...

У Сета сжимается в груди от горечи, которая грозит захлестнуть, словно утопившие его волны.

Была сказка.

А потом сплыла.

Еще до того, как он умер.

Он садится на кушетке, спускает ноги на пыльный паркетный пол своего прежнего дома. Потом чешет в затылке – странно, волосы такие короткие, какой-то ежик, в настоящей жизни он никогда не стригся так коротко. Встав, Сет смахивает пыль с большого зеркала на стене.

Ну и жуть! Натуральный беженец. Волосы действительно подстрижены почти под ноль, лицо подозрительно осунувшееся, а глаза – как будто он с детства под заборами ночевал.

«Зашибись. Чем дальше, тем прекраснее».

Он вернулся в дом, после того как размотал все бинты. К тому времени усталость уже валила с ног, словно ударная доза анестезии. Он успел только дотронуться до большой кушетки, вытряхнуть пыль из наброшенного на спинку покрывала, закутаться в него и провалиться в сон, который больше походил на отключку.

И там ему приснилось. Или он пережил заново. В общем, вот это.

В груди снова давит. Завернувшись в покрывало, словно в пляжное полотенце, Сет топает на кухню со смутной надеждой чем-нибудь поживиться. И не сразу замечает, что свет в дальнем окне изменился.

Солнце всходит. Снова. Снаружи новый рассвет.

Он проспал почти весь день и всю ночь. Понять бы все-таки, как здесь, в аду, устроено время.

Если оно есть. Если здесь не повторяется снова и снова один и тот же день.

Открывалкой на этот раз орудует легче – сил после сна прибавилось. Фасоль непередаваемо мерзко горчит. Выплюнув все, что попало в рот, Сет шарит в шкафчике в поисках супа.

Супа нет. Там, по большому счету, вообще ничего нет, разве что признать едой мумифицированные макароны. Без особой надежды он крутит ручки на плите – вдруг удастся вскипятить воды? Но газ на горелки не поступает, электричества, чтобы запустить пыльную старую

микроволновку, тоже нет. Сколько ни щелкай выключателями, свет не загорается, от холодильника воняет даже сквозь закрытую дверцу, поэтому Сет туда не заглядывает.

За неимением съестного он снова припадает к кухонному крану. Потом, хмыкнув с досады, достает из шкафчика стакан, наполняет уже почти совсем прозрачной водой и выпивает до дна.

«Ладно, – думает он, стараясь унять растущий страх. – Что теперь? Что теперь, что теперь, что теперь?»

Одежда. Точно.

Он все еще не может заставить себя подняться наверх – не готов сейчас смотреть на свою прежнюю комнату, где они жили с Оуэном, здесь, в этом доме, – поэтому идет обратно в гостиную, вспоминая о чулане под лестницей. Позади обеденного стола за двумя дверцами в стене скрываются безжизненные стиралка и сушилка, притихшие, словно скотина в стойле. Не удержавшись от ликующего вопля, Сет выуживает из сушилки серые спортивные штаны. Мешковатые, но не смертельно. Футболки нигде не видно, в стиральной машине тоже ничего, кроме застарелого запаха плесени, зато на крючке обнаруживается куртка от спортивного костюма. Тесновата в спине, и рукава едва достают до локтей, но прикрыться можно. Пошарив по темным полкам чулана, Сет находит одну поношенную черную парадную туфлю и одну гигантскую тенниску – не пара, зато на разные ноги и не жмут.

Сет возвращается к зеркалу в гостиной. Похож на бездомного клоуна, но хоть не голый, и то хорошо.

«Ладно. Идем дальше».

Желудок тут же откликается угрожающим ворчанием – и не от голода. Сет выскакивает наружу, в уже помеченный уголок с высокой травой, чтобы справить еще более неприятную нужду. Живот пучит, гораздо сильнее, чем бывает от куриной лапши и ложки протухшей фасоли. Это все голод, это он выкручивает желудок, словно тряпку.

Мучиться животом и так несладко, но Сету, пристроившемуся в неприлично высокой траве рядом с террасой, где громоздятся сваленные кучей бинты, с видом на колючую проволоку вдоль насыпи, вовсе не от этого делается все хуже и страшнее.

Тюрьма за насыпью.

Как только отпускает, он возвращается в дом и кое-как умывается холодной водой из-под крана и застывшей жидкостью для мытья посуды. Вытереться нечем, поэтому он сохнет так, думая, что же теперь.

Вот он тут. В пыльном старом доме, где нет никакой еды. В каких-то жалких обносках. Пьет воду, которой, возможно, травится.

Он не хочет наружу, но торчать тут безвылазно тоже не вариант.

Как же быть?

Нашелся бы тут кто-нибудь, кто может помочь... С кем можно посоветоваться. С кем можно разделить эту бредятину.

Но никого нет. Он тут один.

Пустые кухонные шкафы стоят нараспашку.

Здесь нельзя оставаться – без еды, в не пойми какой одежде...

Он поднимает глаза к потолку – может быть, все-таки осмотреть верхние комнаты?

Нет. Только не это. Не сейчас.

Кухню постепенно заливают восходящее солнце.

«Ладно, – говорит он себе наконец. – Пойдем посмотрим, какой он, этот ад».

11

Открывая входную дверь, Сет замечает, что замок поставлен в положение, не дающее захлопнуться. Он всю ночь проспал в незапертом доме. И хотя вокруг по-прежнему никого, становится не по себе. Замок захлопывать нельзя, иначе как он попадет назад? Сет выходит на неяркое солнце, осторожно притворяя дверь за собой и надеясь, что она хотя бы выглядит запертой.

Улица такая же, как вчера. Или когда там? Условно вчера. Он ждет, присматриваясь. Ничего не меняется, и он сходит с крыльца, идет по дорожке, где он... где он что? очнулся? воскрес? умер? Проскочив это место поскорее, он доходит до небольшой калитки, ведущей в переулок. И останавливается.

Все так же тихо. Все так же пусто. Словно застыло во времени.

Сет пытается припомнить, как выглядели окрестности, когда он здесь жил. Справа станция – собственно, одно только станционное здание, ничего примечательного. А вот налево – дорога к Хай-стрит, где находился супермаркет. И одежные магазины там вроде бы тоже имелись. Без шика, но однозначно лучше надетого на нем сейчас.

Значит, налево.

Налево.

Он не двигается с места. Мир вокруг тоже.

«Либо налево, либо сиди тут идохни от голода».

На секунду второй из вариантов кажется заманчивее.

– Плевать! – говорит он наконец. – Ты и так помер. Что с тобой еще может случиться?

Он сворачивает налево.

Сет идет ссутулившись, сунув руки в карманы спортивной куртки, хотя они и оказались чуть не под мышками. Чья это была куртка? Папа вроде никогда ничего подобного не носил, но кто в детстве запоминает, что на ком надето?

Он украдкой посматривает по сторонам, часто оборачивается – нет ли кого сзади? Доходит до улицы, ведущей к центру. Если не считать огромного провала посередине, в котором кустится целая роща сорняков, все так же, как и везде. Покрытые слоем пыли машины на ободах, облупившиеся дома и никаких признаков жизни.

Он останавливается на краю ямы. Похоже, где-то прорвало трубу и подмыло асфальт, как иногда показывают в новостях; там еще обычно вокруг вертолеты с журналистами и долгие паузы в эфире.

Покореженных машин в провале нет, и на краю тоже, так что, видимо, все обрушилось уже после того, как в городе прекратилось движение.

«А что, если оно и не начиналось? Что, если этого места вообще не существовало, пока я...»

– Хватит! – обрывает он себя. – Ну-ка, прекрати!

«Как-то подозрительно много здесь растительности», – мелькает неожиданная мысль. Все эти сорняки и непонятная трава, прущая из всех щелей, как, например, здесь, в этой огромной дыре.

Тогда получается, здесь могут быть и...

Не успев додумать слово «звери», он замечает лису.

Она застыла там, на дне, притаившись в зарослях, и удивленно поблескивает глазами из темноты.

Лиса.

Настоящая, живая лиса.

Она моргает настороженно, но пока без испуга.

– Что за фигня? – шепчет Сет.

С едва слышным тьяканьем через спину лисы неуклюже перебираются три лисенка – и тоже замирают при виде стоящего над ними Сета.

Они смотрят, готовые в любую секунду сорваться с места, и ждут, что он сделает дальше. Этого Сет и сам не знает. Глазеет на рыжие морды и блестящие глаза. Пытается прочесть в них, что все это значит.

Наконец, вечность спустя, он отодвигается от провала, но лиса с детенышами продолжают смотреть ему вслед.

«Лисы, – думает он, шагая по улице. – Настоящие лисы».

Возникшие точь-в-точь тогда, когда у него мелькнула мысль о зверях.

Словно он сам их придумал.

Он спешит к Хай-стрит, все так же набычившись и ссутулившись, еще более подозрительно поглядывая по сторонам. Такое ощущение, что в любой миг кто-то выскочит из кустов, зарослей на газоне или трещин в мостовой.

Но ничего не происходит.

Силы снова утекают быстро, слишком быстро – добравшись до пешеходной Хай-стрит, Сет валится на ближайшую скамейку, тяжело дыша после короткого подъема в горку.

Его берет досада и злость. Три года состоял в школьной легкоатлетической команде, унаследовав любовь к бегу по пересеченной местности от матери (общее хобби почему-то не сблизило их, а скорее наоборот). Да, предположим, звездой команды он не был, школа Босуэлл-Хай часто плелась в хвосте, но все-таки... Не настолько же, чтобы выдохнуться за несчастные пять минут ходьбы.

Он вертит головой. Хай-стрит – это на самом деле просто длинная узкая площадь, перегороденная с обоих торцов рядом металлических столбиков. Когда мама водила их сюда с Оуэном, на каждом шагу продавались засахаренный миндаль и попкорн, свечи ручной работы и браслеты, якобы помогающие от артрита, часы с этническим орнаментом и картины, которые даже карапузу Оуэну казались уродскими.

Теперь тут нет ничего. Огромное пустое пространство, буйно поросшее вездесущими сорняками, в окружении заброшенных домов – все как везде.

Еще чуть-чуть посидев, Сет встает со скамьи.

Он не выдумывал лису. Это не он. Лиса просто сидела там, в зарослях, он ее увидел, вот и все. Он уже столько людей здесь успел вспомнить – и родителей, и Оуэна, и Гудмунда, и Эйча, и Монику, даже дядю, который рисовал картину над камином, – но ведь никто из них тут не объявился.

По всем признакам и вопреки всем чаяниям это все же Англия, так почему бы тут не быть лисам? Лиса в Англии почти национальное животное. Когда он здесь жил, они часто попадались на глаза, семеня по улицам – по-взрослому так, слегка высокомерно. Лисы – это нормально. Что тут такого?

Но лисам надо что-то есть. Сет скользит взглядом по деревьям, растущим в кирпичных кадках вдоль улицы, высматривая птиц, или, может, белок, или крыс. Какая-то живность должна быть. Если есть одна лиса, должны быть и другие, еще кто-нибудь.

Или как? Или все-таки он их выдумал?..

– Ау, – произносит он, заодно обрывая неприятную мысль, но как-то не очень получается.

– Ау... – пробует он опять, сам не зная зачем, просто чтобы нарушить тишину.

И еще раз, громче.

– Ау! – зовет он, вставая. – АУ-У-У!

Он кричит снова и снова, сжав кулаки, кричит до хрипа, до боли в саднящем горле, пока не срывается голос.

Только тут он замечает, что щеки все мокрые от слез.

– Ау... – шепчет он.

Никто не откликается.

Ни птица, ни белка, ни лиса, ни лисята.

Никто ниоткуда.

Он тут один.

Сглотнув, он морщится от боли в горле и отправляется дальше на поиски.

12

Все магазины на Хай-стрит закрыты. Солнце светит ярче, и Сету приходится приставлять ладонь козырьком ко лбу, всматриваясь в бликующие витрины. Некоторые заведения – пончиковую, «Сабвей», какой-то «Топшоп» – явно выпотрошили подчистую, оставив только пустые полки и вешалки, разбросанную по полу упаковку и выстроившиеся вдоль стены голые манекены.

Однако не все магазины стоят пустые. Вот благотворительная лавка – если вдруг понадобится чайный сервиз или связка заплесневелых бульварных романов, бери не хочу. А вот салон свадебных платьев – нет, спасибо, такое он на себя даже в аду не наденет.

Следующий в ряду магазин туристского, рыболовного и охотничьего снаряжения. Сет заглядывает в витрину – и сердце чуть не выпрыгивает из груди.

– Да ладно, – шепчет он. – Да ладно...

Внутри чего только нет – и рюкзаки, и походная утварь, и еще куча разной невообразимо полезной всячины.

«Как по заказу», – мелькает настороженная мысль, которую Сет тут же гонит прочь. Туристские магазины есть по всему миру, почему бы одному такому не оказаться здесь?

Стеклянная дверь заперта, и Сет, оглянувшись в поисках чего-нибудь тяжелого, замечает вывалившиеся из кадки с деревом кирпичи. Он подбирает один из обломков, но даже в этом безлюдном, заброшенном месте все внутри протестует против того, что нужно сделать, поэтому он просто подбрасывает обломок в руке. Он играл на физкультуре и в бейсбол, и в баскетбол. Первый – скучища смертная, второй – ничего так, можно побегать и покричать, не особенно выкладываясь, потому что рядом есть кому играть всерьез. Зато уж бросок он осилит – только чудес меткости и дальности не ждите.

И все равно – кирпичом в стеклянную дверь...

Он снова оглядывается. Потом еще раз. Нет, никого.

– Ну, была не была... – шепчет он.

Замахнувшись, он кидает что есть сил.

От звона разбившегося стекла закладывает уши – словно мир рушится. Сет инстинктивно пригибается, готовясь оправдываться, что это не он, что это случайно...

Но рядом, конечно, никого нет.

– Идиот, – констатирует Сет со сконфуженной улыбкой.

Потом выпрямляет спину и, гордясь тем, что хоть что-то совершил, вразвалочку идет к зияющему проему.

Оттуда выплескивается сгусток верещащей темноты и проносится над ним на сверхзвуковой скорости. Сет падает на землю, прикрывая голову руками и вопя от ужаса...

И тут же все снова замирает, вокруг тишина, слышно только его учащенное дыхание.

Сгусток в паническом шелесте крыльев исчезает за крышей заколоченного книжного магазина.

Летучие мыши.

Мыши!

Рассмеявшись, Сет встает, выбивает торчащие в проеме осколки стекла и осторожно пролезает внутрь.

Магазин – настоящая пещера с сокровищами.

Сет хватается за рюкзак со стойки. Рядом целый стеллаж с фонариками – сперва восторг, потом выясняется, что батареек нигде нет. Но он все равно забирает тот, что побольше, – длинный и тяжелый, вполне подойдет для обороны, даже если и не будет светить. Дальше субли-

мированные продукты: мерзкие на вид мороженые фрикадельки, суп с сушеными овощами и прочая малоаппетитная фигня, но это лучше, чем ничего. Еще он находит стопку походных газовых плиток – хорошая вещь, только не взорвалась бы в руках при попытке разжечь...

Магазин, кажется, закупорили на совесть, получше, чем его дом, поэтому пыли здесь поменьше. Аптечки на полке практически чистые, и Сет запихивает одну в рюкзак, потом оставливается в задумчивости. Берет с полки еще одну аптечку, открывает. Там обычный набор: бинты, спиртовые салфетки... А, вот, у задней стенки упаковка с ярлыком «изоляционная лента». Он раздирает ее зубами. На пол вываливается ролик лейкопластыря.

Даже не подбирая его, Сет видит, что изнанка покрыта блестящей фольгой.

Он вертит в руках пустую упаковку, но, кроме «изоляционной ленты» там ничего не написано, если не считать инструкции в картинках, как этот пластырь наклеивать. Ни зачем он нужен, ни в каких случаях применяется, ни на кой черт обматывать им половину туловища...

– Изоляционная лента...

Будто и так все понятно, без объяснений.

Оставив пластырь валяться на полу, он отходит к одежным стойкам в глубине зала.

Там столько всего, что Сета разбирает радостный смех. Даже белье есть. Ну да, термобелье. Для лета, может, слегка жарковато, но Сет, не раздумывая, скидывает свои растянутые треники и облачается в термшорты. Чистая ткань приятно освежает, и сразу становится так хорошо, что хочется сесть.

Остальная одежда в основном для горного спорта и пеших походов, но футболки, шорты и навороченная ветровка в наличии имеются. Поверх термобелья он надевает вместо прежних спортивных штанов почти такие же, только новые и дорогие, хоть на бомжа будет не похож. А еще тут не сосчитать сколько носков.

Подходящая обувь находится не сразу – только пробравшись в подсобку через воняющую аммиаком кучу помета от летучих мышей, он подбирает пару своего размера. Все, вроде бы экипировался полностью. Прихватив добычу, Сет выходит наружу, на солнце.

И тут же взмокает во всей этой теплой, непродуваемой одежде.

На какой-то миг ему все равно. Он просто закрывает глаза, подставляя лицо солнечным лучам, и впитывает тепло. Он не голый, не в грязных бинтах, не измазан в пыли. На нем чистая одежда и новая обувь, и впервые после смерти он чувствует себя почти человеком.

13

Супермаркет в конце Хай-стрит просторнее и темнее остальных магазинов, но за стеклянной витриной вроде бы угадываются какие-то очертания на стеллажах. Поправив рюкзак за спиной, Сет с запозданием осознает, что продукты класть некуда, потому что все доверху забито вещами. Он начинает вытаскивать вещи с мыслью сложить их на мостовую и забрать позже, но тут взгляд его упирается в стену супермаркета.

То что надо!

Битых пятнадцать минут уходит на то, чтобы выкорчевать проржавевшую тележку из колонны составленных одна в другую, но в конце концов получается, и даже колеса почти крутятся, если навалиться посильнее.

Во второй раз проламывать дверь кирпичом уже легче, а вот внутри оказывается неожиданно темно. Потолок низкий, стеллажи перегораживают весь обзор – кто его знает, что прячется внутри? Сет вспоминает летучих мышей. А если там кто-то покрупнее лисицы? Как у Англии с крупными хищниками? В Америке, например, водятся горные львы и медведи в лесах, но насчет Англии ничего такого не припоминается.

Он вслушивается в тишину.

Ничего. Только собственное дыхание. Ни гудения ламп, ни шорохов. Хотя, возможно, все просто притаились, услышав оглушительный звон разбитого стекла.

Он выжидает. По-прежнему ничего.

Тогда он наваливается на неповоротливую тележку и толкает ее по проходу.

В продуктовых секциях шаром покати. Лотки для овощей и фруктов стоят выпотрошенные, только на дне кое-где виднеются сморщенные шкурки. Сет ходит от стеллажа к стеллажу, и надежда тает. Если какие-то товары и попадают, то с ними та же история, что с продуктами в кухонном шкафчике. Пыльные коробки, рассыпающиеся от одного прикосновения; банки с когда-то красным, а теперь почерневшим томатным соусом; упаковки яиц, растерзанные каким-то голодным зверем...

О, за углом картина поприятнее. Батарейки, целые ряды батареек! Много проржавевших, но есть и нормальные. С третьей-четвертой попытки большой фонарь наконец включается.

Сет шарит лучом по длинному темному проходу, где громоздятся целые сугробы муки.

Пристроив фонарь на тележке, он объезжает оставшуюся часть зала, не находя больше ничего ценного, кроме бутылок с водой. В конце концов до него доходит, что пожить здесь не удастся – какой ему толк от ссохшихся в упаковке батончиков, от выключенных холодильников, поросших черной плесенью, которая воняет протухшими оливками, и от пакетов обратившегося в пыль печенья и крекеров? Вся надежда только на две пары стеллажей в отделе консервов.

И опять большая часть банок либо проржавела, либо вздулась так, что, кажется, слышно урчание бактерий внутри. Но луч фонаря выхватывает на полках одну за другой вполне приличные, хоть и пыльные, банки. Сет сваливает в тележку супы, макароны с соусом, кукурузу, горошек и даже – какое счастье! – заварной крем. Банок целое море, его и за несколько набегов не вычерпаешь.

Питание можно считать обеспеченным. На какое-то время.

На которое он тут застрял.

Темнота и тишина вдруг начинают давить, несмотря на обнадеживающую тяжесть фонаря в руке. Слишком плотные они, слишком душат.

«Перестань! – велит он себе. – Так крыша может совсем поехать».

Потом все-таки наваливается на тележку и выбирается наружу, на солнце.

Силы снова куда-то утекают, он чувствует. А еще просыпается голод и грызет изнутри, почти такой же нестерпимый, как вчерашняя жажда. Ухватив краем глаза какую-то зелень

за углом супермаркета, Сет припоминает там небольшой сквер, спускающийся по склону в низину с фонтанами и дорожками.

Кряхтя от натуги, он толкает тележку до сквера. Тот, разумеется, разросся в джунгли, но прежние очертания еще угадываются. Даже песочница неподалеку от входа осталась. Чуть ли не единственное место, где нет сорняков.

– Пойдет! – говорит Сет и скидывает рюкзак со спины.

По инструкциям на плитке он разжигает огонь, и в баллоне даже остается достаточно бутана, чтобы разогреть банку спагетти, открытую куда менее проржавевшей открывалкой, которую он тоже прихватил в магазине. И только когда спагетти уже булькают, Сет понимает, что не взял ни вилки, ни ножа. Он выключает плитку. Ничего не поделаешь, придется ждать, пока остынет слегка.

Достав из тележки бутылку с водой, он смотрит ее на свет. Вроде прозрачная, прозрачнее, чем из крана, но примерно половины не хватает, хоть крышка и запечатана. Сет откручивает крышку, и газ вырывается с легким шипением. Пахнет нормально, не протухла вроде, поэтому он отпивает глоток и оглядывает раскинувшийся внизу парк.

Место знакомое (если закрыть глаза на заросли), но что из этого? Даже если все вокруг точь-в-точь как в городе его детства, застывшем во времени, еще не факт, что это он, тот город, и есть.

Да, все кажется настоящим. И на ощупь, и уж точно на запах. Но сам-то он тут, похоже, не взаправду, а значит, какая, простите, реальность? Если это просто пыльные глубины памяти, в которых он почему-то залип, тогда это вообще не место, а, например, последние секунды перед смертью, перетекающие в вечность. Застывшее мгновение из худшего периода твоей жизни, разлагающееся, но не умирающее до конца.

Он отхлебывает еще воды. Настоящий парк или нет, но лучше он точно не стал. В нем и раньше веселого было мало – песочница и небольшая детская площадка у входа, а дальше крутой склон, перегороженный посередине большой кирпичной стеной, так что даже скейтерам не разгуляться. В основном сюда приходили на перекур всякие работники с Хай-стрит.

Зато тут есть пруд – вон он, внизу, похож на фасолину контуром и на удивление чистый. Сет думал, он будет весь зеленый от ряски, но нет, вода манит прохладой и свежестью. Посередине торчит каменный островок, на котором обычно чистили перья утки. Сегодня уток нет, но солнце светит так ярко, погода такая теплая, что кажется, утки вот-вот пожалуют.

Сет поднимает голову – вдруг действительно появятся, вызванные его мыслями? Но нет, уток нет.

Он совсем запарился в походной одежде, а пруд так и зовет окунуться – прыгнуть в воду, поплавать, освежиться, даже вымыться, и потом просто покачиваться в воде, как поплавок...

Стоп.

«В воде, как поплавок»?

Ужас, чистый, неприкрытый ужас, которому нет конца. Со страхом можно бороться, когда знаешь, что есть выход, а из этих ледяных волн, из смертельных объятий океана, которому нет до тебя дела, который только вертит тебя, как в барабане стиральной машины, заливая в легкие, швыряя тебя об скалы...

Сет щупает лопатку в том месте, где она треснула. Он помнит резкую боль, помнит непоправимое «хрясь» ломающихся костей. Его слегка мутит при воспоминании, хотя вот оно плечо, на месте, работает, двигается.

Где, интересно, его тело?

Где угодно, только не здесь. Видимо, там, где он умер, вот только где? Может быть, вынесло на берег? Догадуются ли вообще искать его в океане или на берегу? Ему ведь нечего там было делать, там в принципе никого не бывает в это время года. Промерзший насквозь

суровый каменистый пляж... Кому придет в голову в такую пору бродить у воды, а тем более лезть туда?

По своей воле – ни за что.

Только под нажимом.

В животе снова леденеет – при воспоминании о последних минутах на берегу становится еще муторнее. Завинтив крышку бутылки с водой, Сет заставляет себя приняться за остывшие спагетти. Он опрокидывает банку в рот и прихлебывает, пачкая соусом новую футболку – ну и черт с ней.

Интересно, как сообщат родителям? Может, тело найдут, когда он уже будет числиться в розыске? А может, его даже не успеют хватиться, и родители, открывая дверь на звонок, будут ожидать кого угодно, только не полицейских с фуражками в руке? Или они просто будут волноваться, с каждым часом все сильнее, пока не станет ясно: что-то случилось.

Или, если время там течет так же, как здесь (сомнительно, конечно, если учесть здешнее жаркое лето и тамошнюю ледяную зиму; к тому же неизвестно, сколько он валялся на дорожке, прежде чем очнуться), возможно, он погиб только позавчерашним вечером или даже вчера на рассвете. Так что, может, они даже не заметили еще. Думают, что он ночует у друга на выходных. У Оуэна кларнет, у мамы пробежки, у отца ремонт в ванной – где уж тут пересчитывать домочадцев.

Его и так вниманием не баловали. После случившегося.

Может, они даже радуются тайком, что это он утонул, а не Оуэн. Что Сет больше не будет ходить по дому живым напоминанием о том, что случилось тем летом, еще до Америки. Может...

Сет ставит опустевшую банку из-под спагетти и вытирает губы рукавом.

Потом вытирает другим рукавом глаза.

«Получается, можно умереть прежде смерти».

В парке никого нет, никто в целом мире не видит, как он сидит на бортике песочницы, но Сет все равно утыкается лбом в колени, чтобы не показывать никому льющихся ручьями слез.

14

– Нет, вы только полюбуйтесь! – пробурчала Моника, когда они устроились на склоне подальше от глаз тренера, наблюдая, как выделяется на футбольном поле команда поддержки. – Натуральные сиськи так торчат не могут.

– Ах, эта бодрящая осенняя прохлада, – с усмешкой процитировал Эйч их «литератора», мистера Эдсона. – Все крепнет и встает торчком.

Моника отвесила ему подзатыльник.

– Эй! – возмутился Эйч. – Ты чего? Сама сказала, «полюбуйтесь»!

– Ну, не тебе же.

Шла вторая неделя выпускного класса, начало сентября. Дружно срезав на всем известном месте угол кроссового маршрута, они уселись почти перед самым финишем, обеспечивая себе двадцать минут форы. В непривычно голубом небе сияло солнце, но ветер с океана нес почти морозную свежесть.

«А ведь красиво здесь, если присмотреться», – подумал Сет.

– Крепнет? – переспросил Гудмунд, вытягиваясь на травянистом склоне. – Поэтому у тебя неопadaющий стояк всю осень?

– Скажи лучше, весь год, – пробормотала Моника.

– Вы, главное, детки, про защиту не забывайте, – подмигнул Гудмунд.

Моника сердито сверкнула глазами:

– Я с ним вообще размножаться не собираюсь.

– Ну, спасибо! – надулся Эйч.

– Вон они опять, – подал голос Сет.

Все посмотрели на поле – да, действительно, белокурые и черногривые племенные кобылки Босуэлл-Хай снова начали свои цирковые номера. «Хотя за что мы их так? – подумал Сет. – Они же не все стервозины». Четверка дружно проводила взглядом Кьяру Лейтхаузер (как раз из стервозин), которая, отделившись от табунчика, двинулась к школе.

– Куда это она? – протянул Гудмунд.

– Забыла погонять шкурку у директора Маршалла, – ухмыльнулся Эйч.

– Ну что вы, – сощурилась Моника. – Кьяра не такая. Блейку Вудроу даже за лифчик подержаться не дает.

– Молодец, – пожал плечами Гудмунд.

Моника засмеялась, но, не услышав отклика, посмотрела на Гудмунда пристально:

– Ты серьезно, что ли?

Гудмунд снова пожал плечами:

– Значит, есть у девочки принципы. Что в этом плохого? Кто-то должен противостоять нам, раздблаям.

– Так мы и скажем тренеру Гудолу, когда он нас возьмет за жабры, – предложил Сет.

Только теперь они заметили идущего к ним по полю тренера, который сердито поглядывал на часы, недоумевая, куда запропастились ведущие бегуны команды.

– В принципах ничего плохого нет, – буркнула Моника. – Плохо, когда ими тычут в нос другим, типа, она королева, а остальные – грязь из-под ногтей.

– Принципы – это ведь просто мнение, – заметил Гудмунд. – Она считает так, ты можешь по-другому.

Моника открыла рот, чтобы возразить, но задохнулась, сраженная внезапной догадкой:

– Она тебе нравится!

Гудмунд сделал невинное лицо.

– Точно! – Моника чуть не взвизгнула. – Божже, Гудмунд, ты бы еще в надзирательницу из концлагеря втрескался.

– Не передергивай, где я сказал, что она мне нравится? – уточнил Гудмунд. – Я просто не прочь ей вдуть.

Сет повернулся к нему:

– Вдуть? В смысле...

Он дернул бедрами вперед-назад, и все уставились на него в ужасе.

– Вы чего так смотрите?

Моника помотала головой:

– И не мечтай. Она по ходу решила, что радости в жизни выдаются ограниченными дозами, поэтому на школу их тратить не собирается.

– Таких обычно проще всего завалить, – заявил Гудмунд. – У них от нагромождения принципов равновесие нарушено. Только пальцем ткни, они брык – и ноги врозь.

Моника снова покачала головой, улыбаясь, как обычно:

– Что ты несешь?

– А знаете что? – загорелся Эйч. – Давайте забьемся? Пospорим, что Гудмунд переспит с Кьярой Лейтхаузер, например, до весенних каникул. Как раз для тебя дельце. Покажешь ей сад наслаждений.

– Сказал тот, кому до этого сада еще пилить и пилить без карты, – хмыкнула Моника.

– Эй! – обиженно протянул Эйч. – Мы же договаривались не трепаться о личном.

Моника фыркнула и отвернулась.

– Что скажешь, Сетти? – поинтересовался Гудмунд, переводя стрелки, чтобы избежать ссоры. – Имеет смысл? Стоит мне клеить Кьяру Лейтхаузер?

– Ага, – кивнул Сет. – Потом ты обнаружишь у нее тонкую душу и влюбишься по-настоящему, а она бросит тебя, когда узнает про пари, но ты докажешь свои чувства, распевая серенады под дождем на ее пороге, и на выпускном вы станцуете танец, который будет символизировать не школьные годы, а весь тот хрупкий мир, имя которому любовь...

Он замолчал под ошеломленными взглядами остальных.

– Божже, Сет! – восхищенно прошептала Моника. – «Хрупкий мир, имя которому любовь». Вставлю в следующее эссе для Эдсона.

Сет скрестил руки на груди:

– Я всего лишь имел в виду, что ваши пари – просто сценарий для какой-нибудь сопливой киношки, которую никто из нас даже в гробу смотреть не станет.

– И то правда, – согласился Гудмунд, вставая с травы. – Все равно она не мой тип.

– Конечно, – кивнула Моника. – Бедняжке и так досталось – встречаться с самым крутым, красивым и упакованным парнем школы.

Эйч возмущенно фыркнул:

– Не такой уж Блейк Вудроу и красавец.

Остальные снова вытаращили глаза.

– Достали уже так делать! Что я такого глупого сказал? У Блейка Вудроу девчачья стрижка и лоб, как у неандертальца.

– Ладно, может быть, – признала Моника после короткой паузы.

– И Гудмунд вполне мог бы ее отбить при желании, – продолжил Эйч, последним поднимаясь с травы.

– Спасибо, друг, – кивнул Гудмунд. – От тебя это почти комплимент.

– Что, даже пытаться не будешь? – не сдавался Эйч.

Моника отвесила ему еще подзатыльник:

– Хватит! Может, она и овца, но не шлюха. Перестаньте обсуждать ее как товар в магазине... – Она оглянулась на Гудмунда: – Ты тоже.

– Я же не всерьез, ты, феминистка... – улыбнулся Гудмунд. – Просто сказал, что может обломиться. Если захотеть.

Моника, показав ему язык, потрусила через поле на маршрут, Эйч за ней; оба старательно пыхтели, делая вид, что последние полчаса бежали на пределе сил.

Гудмунд обернулся к Сету, который смотрел на него без улыбки:

– Думаешь, у меня бы не вышло?

– Моника бы от ревности задохнулась, наверное, – сказал Сет на бегу. Они постепенно догоняли убежавшую парочку.

Гудмунд мотнул головой:

– Не, мы с Моникой как брат и сестра.

– Ты с сестрой тоже так заигрываешь? И сестра тоже хочет тебя до зубовного скрежета?

– Да ладно, Сетти, может, это не она ревнует, а кое-кто другой? – Гудмунд шутливо толкнул Сета в плечо. – Дундук, – добавил он беззлобно.

Поджидающий их тренер Гудол уже брызгал слю...

15

Сет вскидывает голову.

Мир вокруг все тот же. Солнце на прежнем месте. Парк все такой же заросший. Нет даже ощущения, что задремал и очнулся.

Он стонет от досады. Что, вообще теперь глаза не закрывать? Каждый раз будут эти мучительные воспоминания – мучительные по-разному, какие-то слишком хорошие, какие-то кошмарные?

«Это же ад, – напоминает он себе. – В аду положено мучиться».

Собрав вещи, Сет толкает тележку к Хай-стрит, снова начиная выдыхаться.

– Глупо... – пыхтит он, обливаясь потом под термобельем. На плечи давит рюкзак, нагруженная банками тележка еле ворочается. Остановившись у дверей супермаркета, он переодевает испачканную соусом футболку и сгружает половину банок на землю – позже заберет.

Утерев пот со лба, Сет отхлебывает воды. На Хай-стрит все по-прежнему. Осколки стекла под дверью в туристский магазин поблескивают на солнце. Летучие мыши улетели бог весть куда. Повсюду сорняки и тишина.

Бескрайнее море тишины.

Вот снова это ощущение. Какая-то странность. Угроза. Что-то здесь не так, помимо очевидного.

Опять приходит на ум тюрьма. Она притаилась где-то вдалеке, невидимая, и словно поджидает. Массивная, грузная, она будто тянет к себе, как огромная планета...

Наверное, нужно отвезти продукты домой.

Да, наверное, так он и сделает.

Почему-то толкать тележку по главной улице все тяжелее и тяжелее, тело ломит, словно он подхватил грипп. На подходах к провалу – лисы с лисятами уже давно нет – он уже еле плетется, словно пробежал марафон. Приходится остановиться и хлебнуть воды.

Сет сворачивает на свою улицу. У самого дома тележка становится неподъемной, и, как ни боязно оставлять все добро в переулке, тащить добычу внутрь сил нет никаких. Прихватив рюкзак, фонарик и пару банок, Сет идет в дом.

Дверь снова распаивается от одного касания, и Сет поднимает фонарь над головой, не собираясь давать себя в обиду, если его вдруг караулят внутри. В коридоре по-прежнему полумрак, поэтому Сет освещает себе путь фонарем. Неплохо было бы подогреть заварной крем, если он не прокис в этих банках. Он не ел заварного крема с тех пор...

Сет застывает как вкопанный.

Луч фонаря уткнулся в лестницу, и, впервые посмотрев на нее как следует, впервые увидев ее при свете, Сет замечает...

Следы.

Отпечатки ног в пыли на ступенях.

Он тут не один. Тут есть кто-то еще!

Сет отшатывается так поспешно, что задевает рюкзаком дверь за спиной, и она захлопывается. На секунду его охватывает дикий страх оказаться запертым внутри с тем, кто тут еще есть. Развернувшись, он выламывается наружу, сбегает с крыльца, роняя банки с кремом, оглядывается, готовясь отбиваться от того, кто сейчас выскочит следом...

Тяжело отдуваясь, он замирает у тележки, ухватив фонарь, как дубинку, и замахивается, весь трясаясь от адреналина.

Но никого нет.

Никто за ним не бежит. Никто не нападает. Из дома ни звука.

– Эй! – кричит Сет. – Я знаю, что вы там! – Он сжимает фонарь покрепче. – Кто там? Кто вы?

Ничего, тишина.

Ну да, разумеется, тишина. Если там кто-то есть, он что, дурак себя выдавать?

С бешено колотящимся сердцем Сет оглядывает улицу, гадая, как быть. Дома стоят плечом к плечу, двери закрыты, шторы задернуты. Может быть, в каждом кто-то скрывается. Может, не так уж тут и безлюдно. Может, они просто ждут, когда он...

Когда он что?

Эта дорога, эти дома... Так не бывает, чтобы при наличии людей все оставалось нетронутым столько времени. Просто не бывает. Других следов в пыли нет, сорняки не смяты, дорожки не протоптаны. Люди должны иногда выходить из домов, а если они не выходят, то кто-то должен что-то им приносить.

По этой улице давным-давно никто не ходил, кроме него.

Он смотрит на распахнутую входную дверь.

Ждет. Выжидает.

Ничего. Ни звука, ни шороха, ни мыши, ни птицы. Только ясное голубое небо, в котором, словно смеясь над его страхами, сияет солнце. Постепенно он успокаивается. Все так, все логично. За свои два (или сколько?) дня здесь он ничего такого не видел, что бы выдавало чье-то еще присутствие.

Пока, по крайней мере.

Но Сет все равно не трогается с места.

Наконец адреналин потихоньку рассасывается, и возвращается усталость. Нужно прилечь, и все тут. И поесть. Нужно как-то преодолеть эту слабость, которая так все усложняет.

Да и потом, если начистоту, какие еще-то варианты?

Выставив фонарь перед собой, Сет медленно идет к крыльцу. Замерев в дверях, он светит на лестницу. Теперь, когда знаешь, на что обратить внимание, следы видны довольно отчетливо – они спускаются с самого верха, иногда четкий отпечаток, а иногда просто смазанная пыль, словно человек катился кубарем.

Вниз, но не вверх. Только в одном направлении.

– Эй? – снова зовет Сет, на этот раз осторожнее.

Потом потихоньку пробирается по коридору, к двери в большую комнату. Слыша, как громко стучит сердце, он заворачивает за угол, занеся над головой фонарик.

Нет, никого. Ни в гостиной, ни вокруг стола ничего не тронут (если не считать того, что трогал он сам), в чулане ничего не сдвинуто, на кухне все так, как он и оставил. Сет даже выглядывает на задний двор, но и там все по-старому, горка бинтов с металлической изнанкой громоздится на прежнем месте.

Значит, эти следы могут быть просто очень-очень старыми, с облегчением думает Сет. Например, еще с тех пор, как...

Стоп.

«Катился кубарем». Его вдруг озаряет.

Вернувшись, он поднимается на нижнюю ступень и смотрит на отпечатки ног – босых ног, не подошв.

Сбросив кроссовку, он стягивает новый носок и ставит ступню рядом с пыльным отпечатком.

Совпадают. Тютелька в түтельку.

Он впервые смотрит на верхнюю площадку лестницы. Почему-то мысль о том, чтобы туда подняться, с самого начала вызывала мурашки по коже. Тесная мансарда, в которой они с

Оуэном жили, когда были маленькими. Жуткие ночи, когда он лежал там один, гадая, вернут ли Оуэна, а если вернут, то живым ли.

Но, получается, он там уже побывал.

Он ведь очнулся на дорожке перед домом – видимо, как раз после того, как скатился кубарем с лестницы, в те кошмарные мгновения сразу после смерти. Выбрался по коридору на солнце и свалился на дорожке.

А потом очнулся.

Однако явно не в первый раз.

Он светит фонариком на лестницу, но луч утыкается в плотно закрытую дверь ванной на верхнем этаже. Ванная над кухней, коридор рядом ведет в кабинет и родительскую спальню над его головой, а лестница продолжается выше, до мансарды.

Что он делал там, наверху?

И почему сбежал оттуда?

Он шмякает на пол рюкзак и ставит ногу на нижнюю ступеньку, стараясь не наступить на след. Поднимается на вторую. Потом на третью. Держа перед собой фонарик, доходит до двери ванной. Под ней полоска света, и, когда Сет распахивает дверь, темную площадку заливает солнце из окна над раковиной.

Пол в ванной покрыт тем самым уродливым бурым линолеумом, который мама терпеть не могла, а отец так и не собрался перестелить. Тут на пыли никаких следов нет, ничего не тронут. Оставив дверь открытой, чтобы было посветлее, он поворачивается в коридор. На него идут смазанные следы собственных голых ног.

Сам не зная почему, Сет старательно их обходит, шагая почти вплотную к стене. Кабинет – первая комната справа. Там все в точности, как осталось в его памяти, вплоть до старинного картотечного шкафчика, который мама наотрез отказалась везти в Америку, и древнего, смехотворно громоздкого компьютера. Сет без особой надежды (и результата) щелкает выключателем, но здесь, как и в ванной, явно не ступала ничья нога.

Из родительской спальни следы не тянутся, но Сет все равно туда заглядывает. Кровать заправлена, пол чистый, дверцы шкафов плотно закрыты. Подойдя к окну, Сет смотрит на дорожку перед домом. Тележка стоит как стояла, нетронутая, не сдвинутая.

Он идет обратно на площадку – и убеждается в своих худших подозрениях. Следы спускаются с верхнего этажа, из мансарды, из их с Оуэном комнаты.

И не возвращаются.

Что бы это ни было, оно началось именно там.

Он светит на второй пролет лестницы. Площадка наверху совсем крошечная, потому что там уже мансарда и крыша. Никакого коридора, только дверь в комнату.

Нараспашку.

Оттуда сочится тусклый свет – видимо, из единственного мансардного окна в потолке.

– Эй? – зовет Сет.

Он поднимается на второй пролет, размахивая перед собой фонарем. Дыхание учащается. Не сводя глаз с двери, он преодолевает ступеньку за ступенькой и замирает на последней. Ладони вспотели так, что фонарь скользит.

«Да черт подери! Чего ты так боишься?»

Вдохнув поглубже, он задирает фонарь над головой и прыгает через порог в свою старую комнату, готовясь драться, готовясь к нападению...

Но там никого. Опять.

Просто его бывшая комната.

С одним-единственным отличием.

Посередине стоит гроб.

Открытый.

16

Все остальное не изменилось.

На стенах те же обои с полумесяцами, под окном на скошенном потолке то же пятно от протечки, и в нем вроде бы по-прежнему угадывается лицо, которым Сет пугал Оуэна («Не заснешь сию же минуту, лицо тебя съест»).

Кровати тоже на месте, неправдоподобно маленькие, в двух противоположных углах. Оуэновская больше напоминает колыбель. Еще там полка со всеми их книгами, сильно зачитанными, но по-прежнему любимыми. Под ней ящик с игрушками, набитый пластиковыми шарнирными солдатиками, машинками и лазерными пистолетами, которые больше тархтели, чем стреляли, а на кровати Оуэна целый зоопарк мягких зверей – в основном слонов, его любимцев, – которые сейчас, совершенно точно, находятся в комнате младшего брата за океаном.

А в самом центре, между кроватями, возвышается длинный черный гроб, распахнувший крышку, словно гигантская мидия. На окне опущена штора, поэтому в мансарде темновато, но проходить мимо гроба и поднимать ее Сету не хочется.

Он не сразу вспоминает, что фонарем можно пользоваться не только как дубинкой. Включив его, Сет светит на гроб. Видел ли он когда-нибудь гроб в настоящей жизни? На похоронах он никогда не присутствовал, даже в девятом классе, когда у Тэмми Фернандес случился сердечный приступ на школьном стадионе. Почти все пошли, но родители Сета не захотели отменять поездку в Сиэтл с ночевкой. «Ты ведь с ней даже знаком не был», – сказала мама, и все на этом.

Гроб поблескивает так, будто подмигивает, это не просто блеск полированного дерева. Он сияет, словно капот дорогого автомобиля. Да, именно так. Он словно сделан из черного металла. И углы скругленные, обтекаемые. Любопытство берет верх, и Сет подходит ближе. Гроб смотрится странно, даже более странно, чем на первый взгляд. Изящный, гладкий, дорогостоящий, почти футуристический – словно из кино.

Но это точно гроб, потому что внутри белая обивка и подушки, и...

– Фигасе! – выдыхает Сет.

Белая обивка расчерчена крест-накрест серебристыми лентами пластыря.

Надорванными и растянутыми. Словно человека ими примотали, и он выдирался из всех сил, пока не высвободился.

И не скатился кубарем по лестнице, а оттуда на дорожку, где и рухнул.

Сет долго-долго стоит над гробом, не зная, что и думать.

Ультрасовременный гроб, достаточного размера, чтобы вместить его почти взрослое тело, но почему-то в комнате, откуда он уехал совсем ребенком.

Для Оуэна гроба нет. И для родителей тоже.

Только для него.

– Потому что, кроме меня, никто не умер, – шепчет Сет.

Он кладет ладонь на открытую крышку. Прохладная, как и положено металлу, но когда он убирает руку, на ладони остается тонкий слой пыли. Обивка при этом кипенно-белая, даже в этом неярком свете. Стенки обиты рельефными подушками, примерно повторяющими контуры тела.

И повсюду змеятся разорванные полосы металлического пластыря, «изоляционной ленты». А еще трубки, толстые и тонкие, исчезающие в стенках гроба и кое-где оставившие пятна на белоснежной обшивке.

Сет вспоминает ссадины по всему телу и как больно было мочиться.

То есть эти трубки подсоединялись к нему?

Зачем?

Присев на корточки, он светит фонариком под дно. Гроб стоит на четырех коротких толстых ножках, а из самого центра прямо в пол уходит трубка. Сет трогает ее пальцем. Она кажется чуть теплее, чем сам гроб, словно по ней течет энергия, но мало ли...

Он встает, уперев руки в бедра:

– Да ладно! Что за фигня?

И сердито задрав штору на окне, выглядывает на лежащую внизу улицу.

На выстроившиеся вдоль нее дома.

Такие же закупоренные, как и этот.

– Нет... – шепчет он. – Не может быть.

В следующую секунду он уже несется по лестнице со всей скоростью, на которую способны усталые ноги.

17

Размахнувшись изо всех сил, Сет запускает в соседское окно фигурку садового гнома. Оглушительный звон стекла звучит победными фанфарами. Смахнув торчащие осколки фонарем, Сет залезает внутрь. О соседях он не помнит решительно ничего – вроде у них были две дочери постарше их с Оуэном. А может, одна.

В любом случае, у них вполне мог кто-то умереть за это время.

Входная дверь такая же замызганная, как и в его бывшем доме. Планировка примерно похожа, так что через столовую и кухню Сет проходит быстро, не находя ничего необычного, лишь нагромождение пыльной мебели.

Он взбегает по лестнице. В этом доме она идет только до второго этажа – соседи не стали переделывать мансарду под жилую комнату, – поэтому Сет, не успев оглянуться, оказывается прямо в первой из спален.

Комната девчачья, на вид подростковая. Постеры с певцами, о которых Сет слышал краем уха, комод с зеркалом и батареей косметики, кровать с лавандовым покрывалом, а на ней явно затисканный и не раз облитый слезами плюшевый сенбернар.

Но никаких гробов.

То же самое в главной спальне – заставленной, более душной копией родительской в его доме. Кровать, комод, платяной шкаф, набитый одеждой. Ничего сверхъестественного.

Подтолкнув фонариком, Сет откидывает щеколду на чердачном люке. Приходится несколько раз подпрыгнуть, чтобы ухватить нижнюю ступеньку выдвижной лестницы, но в конце концов она с грохотом вываливается. Сет лезет наверх, светя фонариком в люк.

И чуть не падает обратно, когда стая потревоженных голубей с громким воркованием, отчаянно хлопая крыльями, вылетает через пролом в дальней части крыши. Когда все успокаивается и Сет вытирает руки от голубиного помета, совсем не радуясь тому, что здесь еще и птицы есть, в свете фонарика и солнечных лучей из дыры в крыше проступают лишь набитые под завязку коробки, поломанная бытовая техника и напуганные голуби.

Никаких гробов.

– Ладно...

Он перемещается в дом напротив, через дорогу, почему-то прихватив в качестве орудия взлома ту же самую садовую фигурку.

– Боже... – выдыхает Сет, пролезая внутрь.

Невероятный свинарник. В каждом углу стопка газет, куда ни плюнь – упаковки из-под еды, кофейные чашки, книги, статуэтки – и пыль, пыль, пыль. Он пробирается дальше. Во всех комнатах та же картина. Кухня совсем древняя, как будто ей лет сто, и даже на лестнице какой-то хлам на каждой ступеньке.

Но в верхних комнатах, включая чердак, ничего страшнее хлама нет. Никаких гробов.

В соседнем с этим доме явно жили индийцы – вся мебель застелена яркими покрывалами, кое-где мелькают фотографии жениха с невестой в традиционных индийских нарядах.

Но больше, сколько ни ищи, ничего необычного.

С растущим глухим отчаянием Сет разбивает садовым гномом следующее окно. Потом еще одно.

В каждом доме залежи пыли. И безлюдье.

Усталость одолевает, бороться с ней все сложнее и сложнее. На десятом или двенадцатом доме – Сет уже сбился со счета – у него уже не хватает сил даже как следует швырнуть гнома, и фигурка отскакивает от стекла. Гном валяется на земле, с издевкой глядя на Сета.

Сет приваливается к деревянному белому штакетнику. Снова весь грязный, перемазанный пылью десятка с лишним домов. Пустых домов. И ни в одном из них бесстыдно сияющий гроб даже приткнуться некуда.

Хочется плакать от бессилия, но Сет сдерживает слезы.

Что, в конце концов, он такого страшного обнаружил? Что нового выяснил?

Ничего такого, о чем он уже не думал бы раньше.

Он тут один.

Неважно, как он здесь очутился, откуда взялся гроб и как Сет оказался внутри, – ни папиного, ни маминого, ни Оуэнова гроба тут нет. И в соседних домах нет. Ни намека на человеческое присутствие – ни в небе, ни на железной дороге, ни на мостовых.

В этом непонятном аду он совершенно и абсолютно один.

«И между прочим, – думает он, плетясь нога за ногу обратно к дому, – ощущение не сказать чтобы незнакомое».

18

– *Черт, Сетти!* – Тон у Гудмунда непривычно серьезный, без стеба. – *Ичто, они винят тебя?*

– *Говорят, что нет.*

Гудмунд перекатился на бок и оперся на локоть:

– *Но думают по-другому?*

Сет неопределенно пожал плечами, более или менее подтверждая догадку.

Гудмунд положил ладонь на голый живот Сета:

– *Погано.*

Ладонь скользнула на грудную клетку, потом снова на живот и поехала вниз, осторожно, мягко, пока ничего не прося, просто сочувствующе.

– *Но честное слово, – недоумевал Гудмунд, – это ж надо додуматься строить тюрьму рядом с жильем.*

– *Ну, не совсем рядом с жильем, – ответил Сет. – Там до нее еще примерно миля колючей проволоки и вышек. – Он снова пожал плечами. – Где-то же их надо строить.*

– *Ага. На острове. Или на каменоломне. Не посреди города.*

– *В Англии тесно. А без тюрьмы никак.*

– *Все равно. – Ладонь Гудмунда вернулась на живот Сета, указательный палец описывал плавный круг на коже. – Надо же додуматься!*

Сет шлепнул по руке:

– *Щекотно!*

Гудмунд, улыбнувшись, положил ладонь обратно. Сет не стал противиться. Родители Гудмунда опять уехали на выходные, на улице хлещет злой октябрьский дождь, лупя по стеклам и громыхая по крыше. Время за полночь, часа два-три. Они легли давно, сначала болтали, потом не особенно болтали, потом болтали снова.

О том, что Сет ночует у Гудмунда, знали все – родители Сета, Эйч и Моника – но они не знали об ЭТОМ. И кажется, даже не догадывались. И тайна обретала от этого какую-то свою жизнь, превращалась в целую тайную вселенную.

Вселенную, которую Сет каждый раз мечтал не покидать никогда.

– *Вопрос, конечно, в том, – протянул Гудмунд, лениво пощипывая пушок, идущий от пупка Сета вниз, – виניים ли себя ТЫ.*

– *Нет. – Сет лежал на спине, глядя в потолок Гудмундовой комнаты. – Не виню.*

– *Точно?*

– *Точно, – рассмеялся Сет тихонько.*

– *Ты же был совсем мелкий. Заставлять ребенка расхлебывать такие вещи в одиночку...*

– *Достаточно большой, чтобы понимать что к чему.*

– *Нет. Не настолько большой, чтобы вваливать на тебя этот груз.*

– *Гудмунд, мы с тобой одни, – напомнил Сет, перехватывая его взгляд. – Не нужно городить умные речи, ты не в классе.*

Гудмунд принял упрек достойно и слегка прикоснулся губами к плечу Сета:

– *Просто предположил. Ты, наверное, и тогда был таким же не по годам серьезным, как сейчас?*

Сет в шутку ткнул его локтем в бок, но ничего не сказал.

– *Твои родители, думаю, радовались, что у них такой «взрослый мальчик», – продолжал Гудмунд. – И мама решила (скрепя сердце, конечно): «Это же всего на несколько минут, а дело срочное, и Сетти присмотрит за мальшиом Оуэном пару секунд, пока я сбегая куда там...»*

– *В банк.*

– Неважно. Это ее косяк. Не твой. Но разгребать его одной слишком тяжело, поэтому она сваливает вину на тебя. Сама себя презирает, наверное, и тем не менее... Так что дело дрянь, Сетти. Не ведись.

Сет промолчал, вспоминая то утро гораздо отчетливее, чем хотелось бы и чем получалось обычно. Мама, войдя в дом, выругалась так громко, что Оуэн в испуге ухватил Сета за руку. Оказывается, только переступив порог, она спохватилась, что оставила полученную в банке тысячу фунтов там, в окошке кассы.

Только теперь Сет впервые задумался, на что, собственно, предназначалась такая куча денег наличными. Уже тогда все денежные операции шли в электронном виде – карточки, ПИНы, выписки со счета. Зачем мама столько сняла?

«Я мигом, – заверила она. Счет у нее был не в том банке, что на Хай-стрит, а в другом, чуть подальше и рангом пониже. Мама никогда раньше их туда с собой не таскала. – Десять минут максимум. Ничего не включайте и дверь никому не открывайте».

Она помчалась на улицу, оставив Сета держать Оуэна за руку.

Десять минут пролетели, но Сет с Оуэном только переместились на пол рядом с обеденным столом.

Именно тогда человек в странном синем комбинезоне постучал в окно кухни.

– Я его впустил, – сказал Сет. – Она велела никому не открывать дверь, а я открыл.

– Тебе было восемь.

– Я уже что-то соображал.

– Тебе было всего восемь!

Сет промолчал. История не заканчивалась на том, что он открыл дверь, но рассказать остальное он не мог даже Гудмунду. Горло сжалось, в груди начало печь. Он отвернулся на бок, слегка вздрагивая от накатывающих, рвущихся наружу рыданий.

Гудмунд за его спиной не шевелился.

– Вот что, Сетти, – проговорил он наконец. – Ты плачешь, и я не знаю, как с этим быть. – Он погладил Сета по руке. – Правда, не знаю.

– Ничего, – просипел он. – Ничего. Это так, глупости.

– Не глупости. Просто... Я в таких вещах профан. О чем жалею.

– Не парься. Пьяные слезы. От пива.

– Ага, – согласился Гудмунд, хотя они выпили всего-то по паре бутылок на брата. – Пиво. – Помолчав секунду, он зашептал Сету на ухо: – Но кое-чем, кажется, я мог бы тебя подбодрить.

Он прижался животом к спине Сета и обхватил ладонью сокровенные места, которые живо откликнулись на прикосновение.

– Помогает! – радостно шепнул Гудмунд. – Но честно, в чем вообще трагедия? Он не умер, ту сволочь поймали, Оуэн – чудесный пацан.

– На нем отразилось, – объяснил Сет. – Неврологические проблемы. Он в раздрае.

– И что, по четырехлетке действительно видно? Что до этого он был такой, а после не такой?

– Да, – кивнул Сет. – Видно.

– И ты это знаешь наверняка, потому что?..

– Брось, Гудмунд. Не надо пытаться все исправить. Я просто рассказываю, ладно? И все. Просто выговариваюсь.

В наступившей тишине Сет слышал только, как Гудмунд дышит ему в ухо, явно что-то обдумывая, просчитывая.

– Значит, ты больше никому никогда не рассказывал?

– Нет. Кому я мог рассказать?

Гудмунд крепче прижимает его к себе в знак важности момента.

– Ничего ведь не изменить, – говорит Сет. – Но ты представь, что рядом с тобой вечно ходит какая-то тень. И все знают, что она есть, однако никто не скажет ни единого слова, пока она не превратится в пятого члена семьи, ради которого остальным приходится потесниться. И даже если ты заведешь о ней речь, все просто притворятся, будто не понимают, о чем ты.

– Родичи в прошлом году обнаружили порнуху не той ориентации на моем планшете, – признается Гудмунд. – Угадай, сколько раз с тех пор эта тема поднималась в разговорах?

Сет оборачивается к нему:

– Яне знал. Наверное, крику было?

– Было бы. Но это ведь ничего страшного, просто переходный возраст. Перерастет, а пока будем ходить в церковь почаще и старательно делать вид, что ничего не случилось.

– А что я у тебя все время ночью, их не смущает?

– Не-а, – ухмыльнулся Гудмунд. – Им кажется, что ты на меня положительно влияешь. Зря я, что ли, приукрашиваю твои спортивные достижения?

Сет рассмеялся.

– Значит, у нас обоих замороженные родичи, притворяющиеся слепыми, – подытожил Гудмунд. – Хотя твои, признаю, чуть хуже.

– Это не хорошо и не плохо. Просто так сложилось.

– От этого «так сложилось» ты плачешь, Сетти, – мягко проговорил Гудмунд. – И это уже совсем нехорошо. – Он снова сжал Сета в объятиях. – Для меня, во всяком случае.

Сет промолчал, боясь, что голос дрогнет.

– По крайней мере, – радостно заявил Гудмунд, выдержав паузу, – иначе вы не переехали бы из Англии сюда. А если бы вы не переехали, я никогда не узнал бы об ЭТОМ.

– Хватит тянуть, – со смехом попросил Сет. – Ты же знаешь, что такое крайняя плоть.

– В теории, – кивнул Гудмунд. – Как подумаю, что у меня она была и кому-то хватило наглости взять и оттяпать ее без спросу...

– Прекрати, – велел Сет, снова со смехом шлепая Гудмунда по руке.

– Точно?

Обхватив Сета снизу, Гудмунд притянул его к себе целиком и уткнулся носом в затылок.

– Подожди! – прошептал вдруг Сет.

Гудмунд замер:

– Что такое?

– Вот это.

– Что именно? – не шевелясь, уточнил Гудмунд.

Но как ему объяснить? Что именно?

Вот это – объятия Гудмунда, руки, которые ласково и надежно тебя держат и никуда не отпустят. Объятия, до которых сейчас, кажется, сжалась вся вселенная.

Вот это. И все.

– Да, ты большая загадка, – прошептал Гудмунд.

Сет почувствовал, что Гудмунд тянется куда-то рядом с кроватью, и, обернувшись, увидел занесенный над ними двумя телефон.

– Мы же договорились, – начал Сет, – никаких фотографий моего...

– Я не за этим, – успокоил Гудмунд и нажал кнопку. На экране появился портретный снимок по плечи – двое парней на одной кровати. – Это для меня, только для меня.

Перегнувшись, он поцеловал Сета в губы и щелкнул камерой телефона еще раз.

А потом отложил телефон, притянул Сета еще ближе и поцеловал снова.

19

Сет открывает глаза на кушетке. Тяжесть на сердце такая, что не вздохнуть.

«Боже. Нет, пожалуйста, нет».

Сон снова настолько реалистичен, что Сет невольно утыкается носом в ладони – вдруг на них остался запах Гудмунда? Нет, не остался. Но он все равно его помнит, запах соли, дерева, тела и чего-то очень личного, и от этого сердце щемит еще сильнее.

– Черт, – надломленным голосом говорит он, садясь. – Черт-черт-черт-черт-черт...

Сгорбившись, он качается взад-вперед, пытаясь унять тупую боль.

Очень больно. Тоска по Гудмунду становится невыносимой. Тоска по тому, как с ним было надежно, легко, весело и спокойно. По физической близости тоже, но больше по единению, по слиянию душ. По бережной заботе и ласковым объятиям.

По любви, наверное.

А еще по чему-то сокровенному. По собственному тайному, секретному миру, в который никому нет хода, который закрыт от родителей, брата и даже остальных друзей.

И теперь его нет.

«Неужели один раз умереть недостаточно? Придется проходить через это снова и снова? Нет, – отвечает Сет сам себе. – Потому что можно умереть и прежде смерти».

И еще как. И не раз.

Так почему бы и не после?

Он снова увиделся с Гудмундом. А пробуждение – как смерть, только еще более мучительная, чем тонуть в океане.

«Не могу, – думает Сет. – Не выдержу».

Похоже, он снова проспал целую ночь. Свет, сочащийся из-под штор, голубоватый, как на ранней заре. Вставать не хочется и даже не очень может, но в конце концов переполненный мочевого пузырь заставляет вскочить и подняться в ванную. Вчера, облазив десяток домов, Сет в попытке оттянуть очередной реалистичный сон наладил кашляющие трубы в душе и раковине. Потом натаскал стаканом воды в давно пересохший бачок унитаза и чуть не пустился в пляс, когда после нажатия на кнопку смыва в чашу обрушился водопад.

В эту ванную он и отправляется. Совершив ежеутреннюю процедуру, умывается под холодным душем, взяв вместо мыла затвердевший кусок жидкости для мытья посуды. Задерживая дыхание, он снова и снова подставляет лицо под немилосердно ледяную воду, надеясь сбросить полусонную одурь.

И груз, который по-прежнему давит, грозя расплющить в лепешку.

Сет вытирается прихваченной футболкой и идет обратно в комнату – переодеться в чистое. Нужно раздобыть еще одежды, причем полегче, на жаркую погоду, и, может, каких-нибудь подвесных фонарей, чтобы светили ночью. Еды тоже надо. Разгрузить оставленную снаружи тележку и съездить за остальным, только на этот раз не торопиться и выбирать получше.

Да. Этим он и займется.

«Шевелись, – велит он себе. – Не тормози. Не залипай».

И все равно он застывает на минуту над рюкзаком с одеждой, ощущая за спиной пустынный дом, дверь в кухню и черный ход, ведущий на террасу.

Тот самый, который он открыл тогда человеку в комбинезоне.

И мансарду наверху, где он ждал в одиночестве все эти жуткие, кошмарные вечера, пока искали того человека с Оуэном, все эти вечера, когда родители обходили его и друг друга стороной и когда папа начал принимать успокоительное, с которого так до сих пор и не слез.

Сет так до конца Гудмунду и не рассказал, а ведь был шанс, была возможность...

Возможность для чего? Получить прощение? Оправдание?

Если бы он от кого-то и принял прощение, то от Гудмунда. Прямо тогда. И даже теперь он до конца не понимает, почему не воспользовался.

Он помнит, как лежал в кровати с Гудмундом, прижавшись к нему вплотную, теснее не бывает, и делился тем, что не рассказывал никому, кроме родителей и полиции.

В груди снова угрожающе ломит.

– Ладно, – выдавливает он. – Ладно.

Нога за ногу он плетется наружу перетаскивать продукты из тележки, изо всех сил стараясь не заплакать снова.

За утро Сет успевает совершить три рейда в супермаркет. Основная добыча – консервы и несколько приличных на вид бутылок с водой, а еще немного сахара, который не до конца окаменел, и от него можно откалывать куски. Еще сушеное мясо в вакуумной упаковке, которое тоже, может быть, не совсем мумифицировалось. А еще пара пачек муки – правда, на кой она сдалась, пока неизвестно.

Из туристского магазина он прихватывает несколько походных фонарей, а за углом от него находит небольшой «Маркс и Спенсер», где есть одежда. Скучнейшие шорты и рубашки (больше в папином стиле), но зато не придется париться в лыжной экипировке посреди лета. Интересно, какая тут зима и что будет, если до нее дожить?

Под палящим полуденным солнцем Сет разогревает на походной плитке банку спагетти. На том же пятачке в парке, что и вчера, снова глядя на заросли травы и кристально чистый пруд внизу.

И чуть не роняет банку при виде пары уток, которые греются на камне в центре пруда. Ничего такого особенного, обычные коричневые утки, тихо покрякивающие друг на друга.

Но все же. Вот они, тут.

– Эй! – кричит им Сет, не подумав. И они с возмущенным гвалтом взмывают в воздух. – Эй, вернитесь! Это я вас вызвал! Я!

Они исчезают за деревьями.

– Ладно... – вздыхает он, втягивая порцию спагетти. – Все равно вас не подстрелишь на ужин.

Он поднимает голову. Или подстрелишь? Для этого, прежде всего, нужно ружье, но ведь в туристском есть и охотничье...

Тут Сет спохватывается: это же Англия – по крайней мере, в его представлении. Здесь оружия в свободной продаже нет, в отличие от Штатов, где ружье можно прикупить в торговом центре между перекусом в «Макдоналдсе» и походом в кино. Родители ужасались, как положено европейцам, и не допускали в доме ни одного ствола. В результате Сет оружия даже в руках не держал, какое там стрелять.

Значит, охота исключается – в ближайшее время точно. Но банка спагетти вдруг кажется куда менее аппетитной, чем жареная утка. Хотя все равно он не умеет их жарить. Если это вообще возможно на походной плитке.

Вздохнув, он зачерпывает еще спагетти – ложкой, которую на этот раз не забыл взять. Усталость ощущается, но не такая, как вчера. Может, наконец начал уходить недосып, возникающий, когда умираешь? Все-таки смерть – изматывающая штука. Наверное, самая изматывающая в жизни.

Сет смотрит на опустевший пруд. Вот еще новшество – высокая трава на склоне слегка колышется под ветром. Довольно сильно, кстати. И ветер вполне ощутимый. Сет запрокидывает голову.

В небе впервые за все время что-то появилось. Облака. Большие и пышные. Кучевые. Большие темные кучевые облака, которые движутся сюда.

Сет не верит своим глазам: «В аду бывает дождь?»

Он едва успевает добраться до дома, когда небеса разверзаются. Ливень летний, и на горизонте видна полоска голубого неба, так что скоро закончится, но елки, вот ведь хлещет! Встав в дверях, Сет смотрит, как дождь разводит пыль в грязную кашу и как мутные потоки струятся по стеклам заглохших машин.

Зато пахнет дождь восхитительно. Такой чистотой и свежестью, что Сет, не удержавшись, выскакивает под косые струи, подставляя лицо и жмурясь, когда капли попадают в глаза. Дождь на удивление теплый. Обозвав себя идиотом, Сет мчится в ванную за бруском жидкости для мытья посуды, предвкушая, как будет классно, куда приятнее, чем ледяной душ, под которым пришлось мучиться поутру...

Он выскакивает на крыльцо, но дождь уже стихает, удаляясь так же стремительно, как и налетел.

– Черт! – досадует Сет.

Ветер наверху, наверное, дует как бешеный, потому что тучи уматывают с такой скоростью, словно за ними гонятся, уносясь в сторону...

В сторону чего?

Куда их несет?

Насколько большой этот ад?

Видимо, достаточно большой, чтобы обеспечить смену погоды. В небе снова сияет солнце, ветер стихает, над мостовой висит пар от засыхающей грязи, которая постепенно покрывает коркой всю улицу.

Улицу, дальше которой Сет еще не совался.

«Кажется, пора устроить масштабную разведку».

20

После утренних походов за добычей снова накатывает усталость, но прилечь и вздремнуть нельзя – после вчерашнего Сет боится живых снов еще больше. Поэтому, закинув на спину рюкзак с самым необходимым и бутылкой воды, он отправляется в путь.

И сразу застывает в раздумье, не зная, в какую сторону сворачивать. Налево – Хай-стрит, которую он уже несколько раз видел. За ней, конечно, тоже есть кварталы, простиравшиеся раньше на долгие мили, если память не изменяет, а потом переходящие в поля.

Справа – станция.

«По путям можно хоть до Лондона дойти», – возникает неожиданная и отчего-то греющая душу мысль. Какая разница, что нет телефона с картами и Интернета? Зато, если идти по путям никуда не сворачивая, придешь в Лондон.

Он, конечно, не пойдет. Непотребное расстояние.

Стоп! Непотребное. Он что, серьезно сказал «непотребное»? Даже родители уже давно таких слов не произносили: все вытеснил американский сленг.

– Непотребное, – проговаривает он вслух, пробуя слово на языке. – Непотребное-утробное-тубное. – Сет поднимает глаза к небу. – Непотребное солнце.

Оно снова лупит вовсю, жарче прежнего, высушив почти всю грязь. Сырости и холода, на которые столько жаловались родители, нет и в помине. Да и сам он такого не припомнит, хотя воспоминаниям восьмилетки вряд ли стоит доверять. И все же. Здесь куда жарче, чем он привык думать. А когда еще и пар от мостовой идет, почти тропики. С которыми Англия точно никогда не ассоциировалась.

– Странно.

Поправив рюкзак, Сет сворачивает направо, к станции.

Улица, которую он переходит, ничем не отличается от остальных, такая же пыльная и пустынная. Наверное, пора выработать какую-нибудь систему осмотра, сперва обыскать более тщательно те дома, куда он уже вламывался, а потом пошерстить дальше по району. Вдруг что полезное удастся найти? Консервы, например, или инструменты и одежду получше. А может, где-нибудь отыщется огород...

«Участки!» – осеняет его.

Конечно! Огромное, разбитое на частные огородики поле, начинающееся за... Где же? За спортивным комплексом? Точно, вот что громоздилось за железной дорогой – спортивный комплекс, а за ним участки. Там, конечно, тоже все заросло, но ведь наверняка что-нибудь съедобное уцелело?

Он ускоряет шаг, почти машинально поворачивая на длинную бетонную лестницу между двумя многоэтажными зданиями. «Многokвартирник» – вспоминает он английское слово. Еще одно. Интересно, английский акцент тоже вернется? Гудмунд постоянно просил его «поговорить по-британски», причем сказать не что-нибудь, а...

Боль утраты пронзает снова. Сильно. Слишком сильно.

«Иди, не останавливайся, – велит он себе. – Иди, и все».

Лестница выходит на тротуар, который тянется к построенной на возвышении станции. Ее видно отсюда. Чтобы добраться до огородов, нужно пройти насквозь, потом по мосту над путями на дальнюю платформу. В предвкушении Сет входит внутрь, не задумываясь перепрыгивает через турникеты и взбегаёт по невысокой лестнице на первую платформу...

Где дожидается поезд.

Состав короткий, всего четыре вагона, электричка, курсирующая между этим городком и соседним. Кажется, вот-вот откроются двери и на платформу хлынут приехавшие или, наоборот, поезд плавно покатит прочь.

Ни того, ни другого, конечно, не происходит. Поезд стоит, как стоял, молчаливый, словно скала, покрытый неизменной пылью. Сорняки пробиваются из трещин в платформе и кое-где даже из желобков на крыше поезда. Он уже давно не трогался с места, как и машины вдоль тротуаров.

– Эй? – зовет Сет.

Подойдя вплотную, он заглядывает в окно, но там ничего не разобрать, да и окна такие пыльные, что почти не пропускают свет. Сет нажимает кнопку на ближайших дверях, но электричества нет, и двери не реагируют.

Он смотрит в сторону головного вагона. В кабине машиниста двери открыты. Сет идет туда и, вытащив фонарик из рюкзака, просовывает голову в кабину. За пультом только одно сиденье – неожиданно. Он-то думал, там по два, как в самолетах. Стекла приборов либо потрескались, либо затянута пылью, лампочки не горят.

Из кабины ведет дверь внутрь состава, и она тоже открыта. Сет залезает в кабину и светит фонариком вдоль центрального прохода по вагону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.